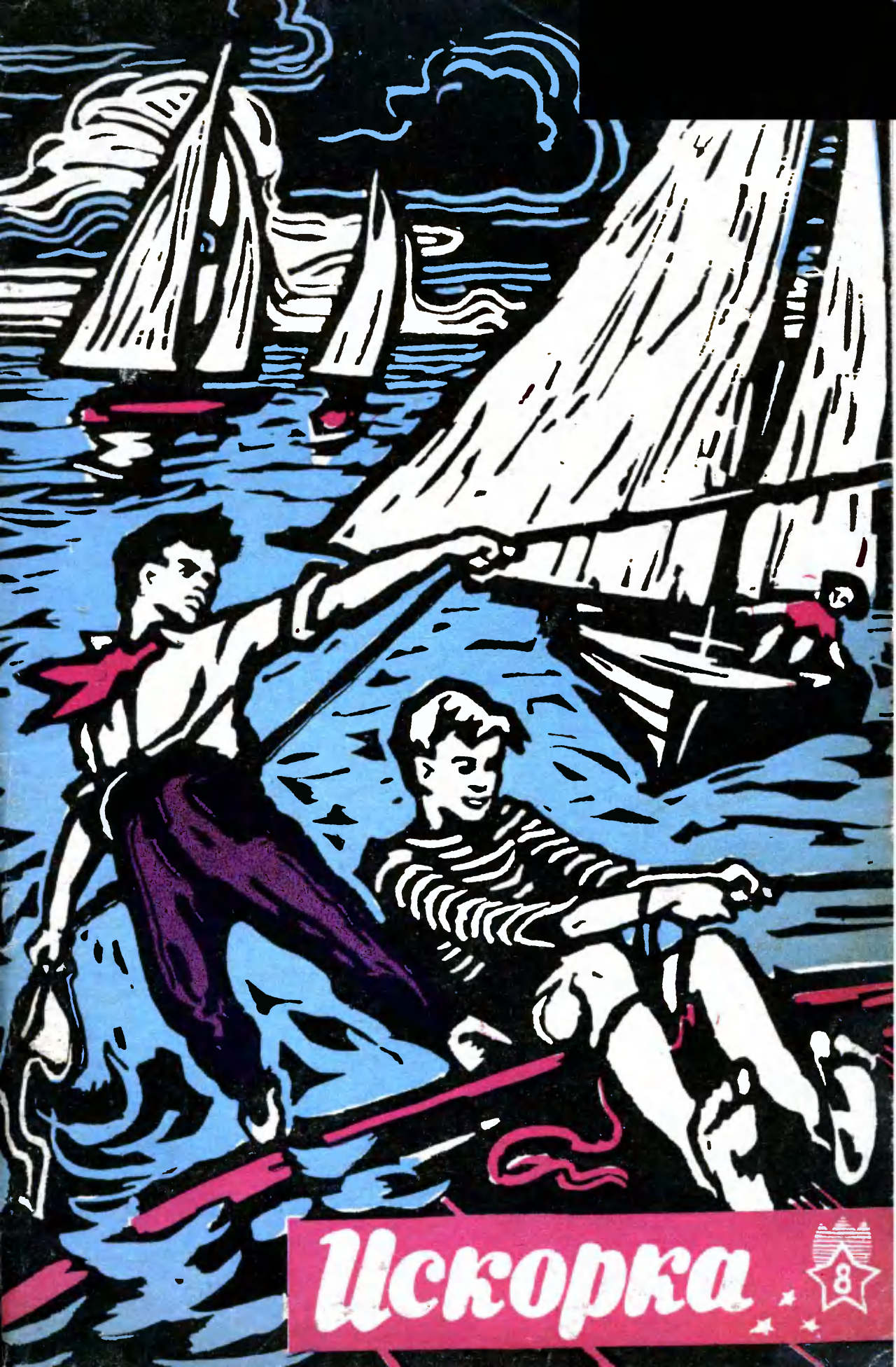

Искорка

ЭСТАФЕТА

Весь мир сегодня слышит новость эту
И выражает бурный свой восторг:
Советский лётчик принял эстафету
И поднял в космос третий наш «Восток».

За ним четвёртый космонавт взлетает.
И снова мир, дыхание затая,
Следит, как славный подвиг совершают
Бесстрашные Отчизны сыновья.

Наташа МАСЛОВА, 5-й кл., 40-я школа

(Текст к фотоснимкам см. на 59-й страниц

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

№ 8

Август 1962 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Н. Слепакова

Рисунки Г. Ясинского

Город Цветомир

Если праздник, —
Значит, праздник!
Были
В школьном городке,
Плыли
В лодке по реке,
А потом —
На карусели,
А потом —
На травку сели.
Было жарко, было знойно,
Праздник папу утомил...
А пока он спал спокойно,
Мы открыли Цветомир.

I

Сегодня воскресенье,
Прогулка, веселье!
Ведь нет на свете никого,
Кто б не любил ЦПКО!
Все визжим,
Смеемся все
На весёлом
Колесе.
И летим, летим, летим
И ещё, ещё хотим!
Метко били
Тигра
В тире.
Жёлтый шарик
Упустили
И купили
Пару красных.

Всех манит медовый запах.
Мёд уносят прямо в лапах.
А в уплату продавцу
Вносят лёгкую пыльцу.

Давай
Работай, гусеница!
Давай
не застревай!

Ну до чего ты,
гусеница,
Медленный трамвай!
А жуки-автомашины,

II

Хочешь в город Цветомир
Съездить наяву?
Чтоб увидеть Цветомир,
Надо лечь в траву.

Каждый дом — на тонкой
ножке,
Только где же в нём окошки?
Ни к чему окошки здесь:
Дом с утра открылся весь!

В цветомирских магазинах
Продаётся только мёд.
Только мёд,
Только мёд,
Любит мёд
Весь народ!

Лакированные спины,
Лакированные спины
И рокочущий мотор!
Полететь они решили,
Хоть они автомашины,
Полететь они решили, —
Вылетают на простор!
Вертолётom стрекоза
Повисла,
выпучив глаза, —
По прожектору в глазу:
Уважайте стрекозу!

Меньше бусинки головка
И в горошинку спина.
Это божья коровка,

Возмущается она:
«Я нисколько не коровка,
Где, скажите, молоко?
Я летаю тоже ловко,
Тоже очень высоко!

И вовсе я не божия,
Ну, даже не похожая!»

А от вышки парашютной
Отделился парашют.
Он воздушный
И бесшумный, —
Из чего такие шьют?

Эту вышку только в шутку
Одуванчиком зовут!

В Цветомире жители
Не лентяи,
Все они строители,
Работяги.

Крепко строят муравьи
Муравейники свои, —
В каждом тысяча квартир:
Славься, город Цветомир!

Незаметно и стемнело.
К ночи дело, к ночи дело, —
Затихает кутерьма,
Закрываются дома...

И в лиловый колокольчик
Заползает светлячок, —
Он фонарик спрятать хочет
Под надёжный колпачок...
Холодок летит ночной
И ползёт за ворот.
Вот и нам пора домой,
В настоящий город!

Королевский берет

Р А С С К А З

Один мой знакомый папа летал с делегацией в Англию.

Это папа нашего соседа по дому Котьки Спешникова, который учится в третьем классе на Плуталовой улице.

Спешниковский папа в Англии был недолго. Всего две недели, но насмотрелся там разного на всю жизнь. Он ходил в музей восковых фигур, где выставлены великие люди и знаменитые разбойники. Потом он видел живую королеву, которых вообще в мире осталось раз, два и обчёлся... Был какой-то праздник. Королеву везли в золочёной карете, а за ней шли министры в седых париках колбасками и цветных кафтанах, а ноги в чулках и туфлях с пряжками. Таких министров теперь нигде, кроме как на картинках к сказкам Андерсена, не увидишь, а в Англии они в особые дни одеваются по-старинному. Такая у них там традиция, то есть так давно заведено и все до сих пор в это играют.

Но Котькин папа не только рассказал удивительные вещи про Англию, а ещё и привёз оттуда кое-какие подарки. Котьке, например, достался берет.

Это был не какой-нибудь просто берет, а особенный —

королевский. Конечно, если его надеть на голову, никто ничего особенного в нём не видит. Берет как берет. Мягкий, синего цвета. Но это если ничего не знать, а знать — вся красота заключалась внутри. Там был кожаный светлый ободок с рубчиком, а под ним блестящая шёлковая подкладка. На подкладке во весь вырез герб. Сверху сияла золотая корона, ниже щит. Он разделён на три части. На одной половине лев на задних ногах, как пудель в цирке. На другой, справа в углу, четыре ярких полосы, а под ними на небесном фоне — бочонок с крылышками. Ниже вьётся ленточка с надписью неизвестно на каком языке. Всё вышито такими яркими нитками, что просто загляденье. Котька с удовольствием бы вывернул берет и надел бы его на левую сторону, да так беретов не носят.

В школе Спешников демонстрировал подарок отца во всём его прекрасном виде. Правда, девочки большого интереса к берету не проявили, зато мальчишки обступили Котьку, разглядывали удивительную подкладку и задавали разные вопросы.

— Почему тут корона?

— Значит, особый, королевский, — отвечал Котька.

— Для королей, что ли?

— И для королей.

— А что тут написано, покаковски?

— Это значит — самые лучшие в мире.

— Лучше нигде, нигде нет?

— Нету.

— А при чём тут лев?

— В Англии везде львы.

— Как в Африке?

— Нет, не живые, нарисованные.

— А зачем бочка с крыльями?

— Для красоты.

— Сколько такой стоит наши деньги? — спрашивал Коткин товарищ ещё по детскому саду Яшка Раскин.

— Сто рублей, — не задумываясь отвечал Спешников.

Мальчишки вздыхали и по очереди примеряли берет.

Котька пользовался моментом и рассказывал всякие чудеса про Англию. Кое-что он прибавлял от себя. Говорил, например, что королеву охраняют шотландские гвардейцы в юбках, с голыми коленками. Ростом каждый с троллейбус, а если в меховой шапке, так еще выше троллейбуса — до проводов. Насчет юбок ему ещё верили, но по поводу роста солдат сомневались.

— Всё это враньё, — сказал Булкин. — Самый высокий Круминьш из сборной баскетбольной. Он два метра восемнадцать, а троллейбус ещё выше. И берет девчонский.

Он даже засвистел, чем выразил своё полное презрение к Котькиному приобретению.

Но, конечно, это от зависти. Спешников даже отвечать ему не стал. Что мог знать Булкин? Не его же отец летал в Англию.

Первые дни Котька надевал берет каждую перемену и гляделся в стекло шкафа. На уроках берет лежал перед ним и сиял шелковой подкладкой. Королевский берет возвысил Котьку в собственных глазах. Он даже не верил, что мог жить раньше обыкновенным мальчишкой без берета.

Но вскоре ему это надоело. Он перестал надевать берет на переменах и убирал его в парту, а любовался им только иногда, от скуки.

И вдруг берет пропал.

Котька явился из школы с непокрытой головой. Берет исчез среди бела дня, между уроками.

Они с Яшкой обыскали все парты, заглянули и за шкаф, и в мусорный ящик. Но берета нигде не было.

— Поздравляю вас, — сказал Раскин. — Плакали сто рублей на наши деньги.

Котька так и ушёл домой. Хорошо, что была весна, а то сиди жди, пока тебе принесут шапку.

Дома Котька, почувствовав горечь утраты и зная, что его ждут не очень-то приятные разговоры, разревелся.

Первый допрос вела бабушка.

— Ты хорошо помнишь, что ушёл в школу в берете? — спросила она.

— А то ещё в чём же, — гудел Котька. — Голый, что ли...

— На вешалку ты его не сдавал?

— Не-е-ет, — выл Котька.

— Вспомни как следует.

— Вспомнил как следует. Не сда-в-а-а-л...

— Ты всё обыскал?

— Всё-о-о и в уборной смотрел.

— Значит ты его потерял, — сделала вывод бабушка и снова спросила: — Ты точно помнишь, что пошёл в школу в берете?

Всё повторилось. Бабушка вела допрос, Котька выл.

Потом пришла с работы мама. Котька стал выплакивать своё перед ней.

— А ты уверен, что пошёл с утра в берете? — спросила мама.

— Уве-р-е-ен.

— Тогда ты его потерял.

— Не-е-т, — рёвом протестовал Котька.

— Разве можно тебе дарить хорошие вещи? Надо будет сказать папе, чтобы он тебе больше ничего ниоткуда не привозил.

Позже явился отец. Узнав о постигшем Котьку несчастье, он спросил:

— Ты наверняка убеждён в том, что шёл в школу в берете?

Котька почувствовал, что у него уже иссякает запас слёз.

— Да-а, да-а-а, — выдавливал он из себя последние солёные капли.

Папа вздохнул.

— Тогда выходит — ты его потерял. Это печальный факт, но ничего не поделаешь.

Тут он взял «Литературную газету» и ушёл читать её к себе в комнату.

Этим вовсе ничего не кончилось. Котьку опять вызвала бабушка.

— Если ты хорошо помнишь, что ушёл в берете, — начала она, — то не мог ли кто-нибудь в классе у тебя его утащить?

Слёз у Котьки больше не было.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Подумай хорошенько.

Котька подумал хорошенько.

— Может быть, взял Булкин, — сказал он.

— Какой такой Булкин?

— Один мальчишка со Щорса. Его называют трудным ребёнком. Отца у него

нет, а мать работает дворником. Раз он у одной девочки стащил красную самописку. А когда у него её увидели, отдал и сказал, что нашёл в коридоре. Потом мы собирали утиль, а Булкин взял отобрал все одеколонные бутылки и сдал их, а деньги проел. Тогда вызывали его мать, и Булкину досталось.

— Очень может быть, что этот Булкин и взял твой берет. Он был сегодня в школе?

— Был. Он ещё давно сказал, что я в берете как поганка. Это нарочно, чтобы я не думал, что он ему нравится.

— Вполне допустимо, — кивнула бабушка. — Ты думаешь, он мог стащить твой берет?

Котька опять пожал плечами. Откуда он мог знать. Но вообще-то этот Булкин был

типом. Правда, считалось, что за последнее время он немного исправился, но это тоже, наверное, нарочно. И сидел он близко, и домой убежал раньше всех. Может быть, и в самом деле берет взял Булкин. А иначе куда же он мог запропаститься?

Вечером, когда опять начались разговоры, папа сказал:

— Может быть, бог с ним, с этим беретом, ну пропал и пропал...

Но бабушка возразила:

— Нет, этого так оставлять нельзя. Дело в конце концов не в берете. Но ведь что же тогда?..

Котькин папа ничего не ответил.

— Возможно, этот ваш Булкин уже продал твой берет, — сказала перед сном бабушка.

Она не успокоилась и за ночь и утром отправилась в школу вместе с Котькой. Тому это не очень-то понравилось.

Он вообще не любил ходить в сопровождении взрослых, особенно в школу. Глуповато и стыдно. Но что он мог подделывать?

В школе бабушка отозвала в сторону их классную воспитательницу Майю Борисовну и рассказала ей про берет.

— Возможно, это Булкин, — предположила она.

— Почему ты так думаешь, Спешников? — спросила Майя Борисовна, глядя на Котьку. При этом она так покраснела, что можно было подумать — берет утащил не Булкин, а она.

— Я так не думаю, — буркнул Спешников. — Это бабушка, а я просто...

Но он не знал, что он «просто», и умолк.

— Может быть, вызвать мать этого Булкина? — посоветовала бабушка.

— Хорошо, — сказала Майя Борисовна. — Я постараюсь вам вернуть берет, а Косте не надо носить в школу такие вещи. Есть форма.

— Правильно, — согласилась бабушка. — Он очень рассеянный мальчик.

Бабушка удалилась, а Майя Борисовна, перед тем как начать урок, строго спросила:

— Ребята, кто подшутил над Спешниковым и взял его английский берет? Отдайте сейчас же, и не надо больше так неостроумно шутить.

Теперь Котька был уверен, что берет стащил Булкин. Поэтому, что когда Майя Борисовна спрашивала, он опустил

голову, а уши у него покраснели.

— Значит, — продолжала Майя Борисовна, — берета никто не брал?

Класс молчал, а девчонки на первых партах начали строить удивлённые рожи и пожимать плечами: «Никто», «никто...»

— Хорошо, — сказала Майя Борисовна и начала урок.

После уроков Майя Борисовна задержала Котьку и Булкина, но она не велела ему вызывать мать, а только сказала:

— Мне очень тяжело, Булкин, но я вынуждена тебя спросить: ты не брал берета?

— Кто это на меня наговорил? — спросил Булкин, и уши его запылали ещё ярче. — Это ты, Спешников?

— Ничего я ни на кого не наговаривал! — вырвалось у Котьки. — Знаешь ты...

— Не кричи, — остановила его Майя Борисовна. — Так это не ты, Булкин, подшутил над Спешниковым?

— Ни над кем я ничего не шутил! Никаких я дурацких беретов не брал... Зачем он мне с коронами! Ничего я не знаю.

И Булкин без спросу выбежал из класса. Он вообще был способен на всякие выходки.

— Может быть, он его уже продал, — сказал Котька.

Майя Борисовна была очень молодой и красивой учительницей. Но сейчас у неё был такой печальный вид, что про красоту нечего было и говорить. Котьке стало жаль её.

— А ну его с этим беретом, — сказал он. — Я без него проживу. Пропал и пропал...

Но Майя Борисовна на него даже не посмотрела.

— Скажи твоей бабушке, что я вызову мать Булкина, — и поднялась, чтобы уйти, а Котька подумал, что Майя Борисовна потому рассердилась, что в последнее время зря заступалась за Булкина. Теперь увидела, как он исправился.

После школы Котька ходил по магазинам вместе с Яшкой Раскиным. Они искали тетради в косую линейку. Бумага везде была плохая, и только в нотном магазине на Большом мальчики нашли то, что им было нужно.

Дома Котька вынул из своего толстенно набитого портфеля пачку новых тетрадей. Потом решил перетрясти всё залежавшееся там хозяйство. Он вынимал тетради и книгу за книгой, пенал, разные коробки и клал их на стол. Потом полез рукой в глубину портфеля, чтобы посмотреть, не завалилось ли ещё чего ценного, и вдруг наткнулся на что-то мягкое. Котька заглянул и увидел на дне портфеля свой потерянный берет. Он, оказывается, всё время лежал там, прижатый книгами. Котька вытащил берет и сразу же сделался пурпурным, как полоски на гербе, вышитом на шелку подкладки.

Когда поздно вечером вернулся Котькин отец, он услышал, что в комнате, где Котька жил вместе с бабушкой, —

нехорошо, — сказал папа. —
Зря подумали на человека.

Вдруг Котыка перестал плакать, встал ногами на постель и что-то отыскал в темноте на столе. Это был злополучный берет. Котыка сунул его в руки отцу и, всхлипывая, проговорил:

— Бери его. Отдай кому хочешь. Не надо мне никаких королевских беретов. И зачем ты мне его привозил с коронами. Никто тебя не просил.

Тут Котька повалился в постель и с головой укрылся одеялом.

Л Е Б Е Д К А

Когда Боре исполнилось одиннадцать лет, он решил, что теперь будет механиком. Раньше он был футболистом, а теперь будет механиком.

В лагере все скоро узнали об этом, и никто не удивился, когда он просидел целый вечер за кладовкой под колхозным «виллисом». Наутро председатель колхоза сел за руль, поехал и страшно испугался, когда на ухабистом спуске к реке переднее колесо у него вдруг соскочило и запрыгало по булыжникам прямо в воду. Колесо пришлось догонять на лодке, а шестой отряд смотрел на всё это сверху сквозь забор и хлопал в ладоши. Боре вынесли выговор на совете отряда, и после этого он только раз попытался смерить градусником температуру супа, а больше, казалось, ничего не предпринимал, и все решили, что он перестал быть механиком.

Но недаром взрослые боятся ребят-механиков. Они-то знают, что главная опасность заключается в строжайшей тайне подготовки всех их механических проектов. Вот как раз тайна-то и втянула Петьку-горниста в эту историю.

Петька не был механиком,

но он жить не мог без тайн и умел создавать их из всяких пустяков. Поэтому, когда он увидел в старом песчаном карьере за столовой какую-то ржавую конструкцию с большими шестернями и рукояткой, ему сразу стало ясно, что из этого можно сделать великолепную тайну!

Петька знал своё дело и понимал, что тайна не станет тайной, пока её кому-нибудь не расскажешь. А кто же сможет оценить её лучше, чем Боря-механик!

Оглядываясь и шикая, привёл он Борю в заросли бузины над старым карьером и показал на шестерни с рукояткой. Боря достал из кармана винт и начал навинчивать на него гайку. Это означало, что он думает. Петька с уважением смотрел, как двигается на его голове прическа «ёжик». Вдруг Боря быстро начал свинчивать гайку и уверенно сказал:

— Это лебёдка. Ею можно поднимать, что хочешь.

Он тоже знал своё дело. Бесстрашно подошёл он к лебёдке и навалился на ручку. Ручка застонала и стронулась. Ржавый трос вспорол прошлогоднюю листву и натянулся, ро-

няя тёмные капли. Там, где листва кончалась, трос огибал какое-то колесико и дальше тянулся по песчаному обрыву вверх в сторону столовой. Боря снова достал винт и гайку и начал медленно рассуждать:

— Чтобы вверх, надо вниз... надо колесо... колесо... на тот косой дуб... рукоятку сюда... прицепить доску... Петька, можно будет прицепить доску, ты понимаешь? И — раз! — в лагерь — из лагеря, поднялся — спустился, а за столовой никто не увидит. Сила?

— Законно! — прошептал Петька. Он почувствовал, что новая тайна становится такой длинной, что даже он сам не видит, где она кончается.

В тот же день началось великое строительство «большого подъёмника». Отпрашиваться каждый день из лагеря было так трудно, что Петька предложил прорыть к месту работ подземный ход, но Боря сказал, что он механик, а не какой-нибудь там крот или землекоп. Он сел на землю, скинул тапку и начал забинтовывать себе левую ногу. Петька сразу всё понял, но, чтобы не было похоже, забинтовал себе правую ногу, и они оба захромали к Игорю Михайловичу.

Боря умел разговаривать со взрослыми.

— Игорь Михайлович, — сказал он, — к сожалению, мы не можем идти на стадион. У меня на ноге вскочил нарыв, а Петька натёр на своей боро-

давке мозоль. Если хотите, мы можем показать.

Игорь Михайлович, наверное, побоялся их обидеть. Он не захотел смотреть на бородавку с мозолем, и ребятам удалось целых несколько дней оставаться в лагере. Когда все уходили в лес, они перелезали через забор за столовой и спускались к своей лебёдке. Петька на всякий случай спускался ползком. Такой уж он был человек.

Боря уже ждал его внизу, и начиналась работа. Нужно было достать колесо с названием «блок» и зацепить за косой дуб наверху, потом протянуть трос и приспособить к нему ящик из-под картошки. Потом замаскировать всё это ветками, подвесить консервную банку для сигнализации — и всё в полной тайне! Это было очень трудно. Только на третий день был вбит последний гвоздь и объявлено первое испытание.

Петька залез в ящик и втянул за собой две подушки. Он говорил, что это для тяжести, но думал-то он совсем про другое. Боря, заранее вспотев, начал крутить рукоятку. Лебёдка послушно взвизгнула, наверху заверещало колесо, Петька вздрогнул и начал медленно подниматься.

Всё было очень торжественно, но если бы вы только знали, каких сверхборькиных усилий это стоило! Когда Петькина голова высунулась над маскировочными ветками, Боря почувствовал, что ещё немного — и у него поломаются плечи. Он выпустил рукоятку, и

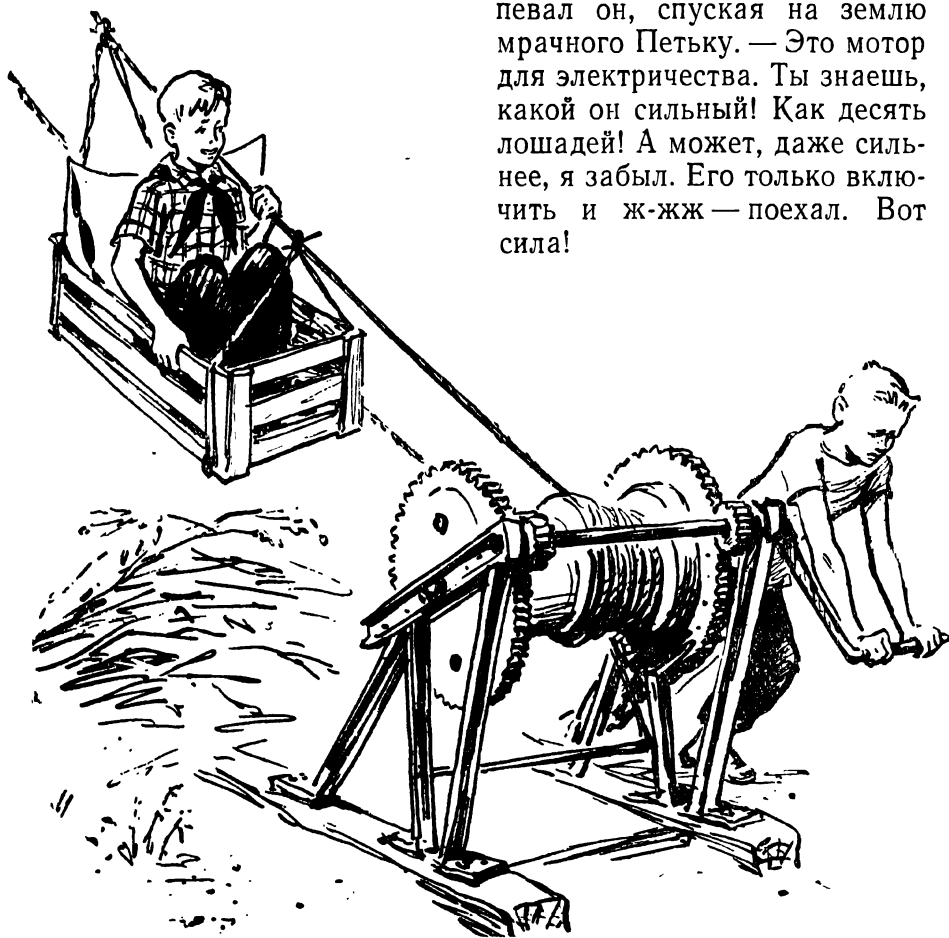
Петька повис в воздухе, легонько покачиваясь. Вспомнив всю секретность их дела, он затаил и скрючился в картонном ящике, а Боря тем временем достал винт с гайкой и задумчиво ушёл к реке.

Туго в этот раз навинчивалась гайка, но наверняка так уже бывало со многими. Когда человек устанет до того, что трудно поднять руку и почесать пальцем нос, он сядет и будет думать, как бы всё это сделать полегче, и обязательно придумает какое-нибудь колесо, или водопровод, или машину «Москвич», или ещё что-ни-

будь, чего до него никто не придумывал. Но Петька не понимал этого, и ему было очень обидно и тоскливо висеть одному в решётчатом ящике, тем более что на сосне высоко над ним помирала со смеху худощавая белка.

А Боря всё думал и думал, чертя пальцем по воде, и наконец вспомнил, понял, потом ещё немного подумал и сам себе не поверил, до того хорошо всё получилось.

— Петька! Петька! — закричал он и побежал обратно. — Ты знаешь, что это такое, вот эта железная бочка, знаешь? Не знаешь, не знаешь! — припевал он, спуская на землю мрачного Петьку. — Это мотор для электричества. Ты знаешь, какой он сильный! Как десять лошадей! А может, даже сильнее, я забыл. Его только включить и ж-жж — поехал. Вот сила!

И они запели песню про электричество:

*Включили и поехали!
Включили и поехали!
Поехали, поехали,
Включили и поехали!*

Разве можно было так рано радоваться? Разве можно было так неосторожно прыгать и петь про электричество? Разве они не знали, что нужно хотя бы поплевать через левое плечо?

Несчастье случилось на следующий вечер. Юлия Васильевна рассказывала потом родителям, что все нормальные дети — все-все сидели в столовой и смотрели телевизор. И только Боря с Петей ползали где-то за территорией лагеря со своими дурацкими проводами, будто они не ленинградские пионеры, и вообще неизвестно, кто их воспитывал.

Да, Боря с Петей действительно ползали по песчаному карьеру, но это были не дурацкие провода, а электрический кабель, привязанный одним концом к мотору. И не так уж трудно было выяснить, кто их воспитывал. Во всяком случае, они были смелые ребята и почти не испугались, когда с го-

лубым треском оплавившись в розетке лохматые концы кабеля и во всём лагере дружно погас свет.

Что тут поднялось! Шестой отряд плакал, третий свистел, кто-то кидал кверху зажжённые спички. Игорь Михайлович шарил по лицам фонариком, и все кричали, что нужно найти пробки. Это была ужасная суматоха, но через полчаса она кончилась, нашли пробки, нашли конец кабеля и, идя по нему, нашли лебёдку с мотором. А когда зажёлся свет, все как-то сразу догадались, что всё это сделали Боря с Петькой-горнистом. Это просто удивительно, какие все оказались догадливые.

Всё было кончено. «Большой подъёмник» достроить не удалось. Не успев вырасти, погибла прекрасная тайна. Погибли мечты о свободе со всеми удобствами — включили и поехали. Всё было кончено, и жить стало скучно.

Правда, через пару дней с электростанции пришли механики и сделали так, что можно стало поднимать лебёдкой от реки к столовой сразу по десяти вёдер воды.

Но кому это было интересно!..

Г р а ф

Р А С С К А З

Никто не знал, как появился на стане щенок. Рабочие обедали в полевом вагончике, как вдруг под столом кто-то твякнул. Никита Громов, шофёр, огромный парень с весёлыми глазами, на минуту застыл с поднятой ложкой. Чумазое лицо его перекосилось, он сладко зажмурился и весь напрягся.

— Цапает! Ей-богу, цапает! — Он протиснул голову и широченные плечи под стол.

Послышалась возня, кряхтенье, твяканье, а вслед за этим Никита торжествующе вытащил за шиворот чёрного, худого щенка, высоко поднял его над мисками, кружками и головами обедающих и опустил на стол, прямо на чью-то ложку, которая со звоном полетела на пол.

— Ах ты, чудо-юдо, кусаться?!

Комбайнеры, трактористы, шофёры и копнильщики, оставив тарелки, так и схватились за бока — вагончик затрясся от хохота. Они наперебой придвигали щенку хлеб, кусочки мяса, жирные макароны и с нежностью смотрели, как его колотит мелкая дрожь.

— Ах ты, чучело-чумичело!

— Зверь, а не собака!

— Отощал же, братцы!

— Не иначе, от скупого хозяина бежал!

Щенок — ушастый, толстолапый, с хвостом загнутым в колечко, с дрожащей мордочкой — прилёг на живот и все свои четыре лапы и переводил чёрные жадные глазки с кусочков мяса на хохочущие лица рабочих.

На ночь взял его к себе Никита Громов. Щенок ползал по его груди, принюхивался, ища укромного места. Наконец он зарылся у шофёра под мышкой, свернулся в комочек и, сладко зевнув, заснул. Вслед за ним заснул и Никита, и до самого утра с его лица не сходила блаженнейшая улыбка.

Однако утром, как только он открыл глаза, улыбка мгновенно сошла с его лица: пса не было.

— Эй! — грозно крикнул Никита, оглядывая спящих рабочих. — Кто пса украл?

Сосед его, тракторист Алёша Клюковкин, повернулся, пасмурными глазами посмотрел на Никиту и поспешно натянул на себя одеяло. Но Никита сдёрнул одеяло и вытащил из-под подушки пса.

— Я те покажу, как собак воровать! — Никита положил ещё не проснувшегося пса на огромную свою ладонь и чмокнул в глянцеvitый нос. — Ух ты, псина! А я-то думал, лежит у меня под боком!

В это время окончательно проснулся Алёша Клюковкин. Он рывком сел на кровать, обхватил руками шею и с хрустом развернул свою сильную грудь.

— Притулился у меня, значит, под боком и сопит, как ребёночек, — мечтательно сказал он. — И вспомнился мне Васильсурск, жена, значит, и мальчишка. Лежу это я и, ну хоть убей, не могу заснуть...

— Выписал бы семью, вот и не ворочался бы ночами и собака не таскал, — проворчал Никита. — Второй год на целине, а прочно якоря не брошишь, всё чего-то ищешь.

Алёша почесал лохматый не-

стриженный затылок и подмигнул псу.

— Вот дела-то какие! Заведу себе дом, семью выпишу, иди тогда ко мне в сторожа...

Несколько дней пёс жил при кухне, не имея постоянной клички. Звали его по-разному — и Лайбой, и Черномазиком, и Шрапнелью, как кому вздумается. Но потом кто-то назвал его Графом. Это красивое, звучное и гордое имя всем понравилось, так оно и осталось за ним — может, потому, что меньше всего подходило к его щуплой и толстолапой фигурке.

На кухне он скоро отъелся, и тогда все вдруг заметили, что пёс недурен собой — бока округлились и стали лосниться, а в черных выпуклых глазах зажглись властные огоньки.

Во время обеда Никита Громов вытаскивал Графа из кухонных недр и сажал на стол. Теперь пёс уже бесстрашно сидел среди кружек и мисок и ел не всё, что совали, а только уж какую-нибудь особенно лакомую косточку. Он перебрасывал ее с одной щеки на дру-

гую, помогал себе лапами, иногда переворачивался на спину, и при этом совсем не обращал внимания на весёлую потеху вокруг себя.

— Ну, не надо театра!

— Прямо художественная самодеятельность!

Пса любили, и всякий, проходя мимо, заглядывал на кухню.

— Ну как наш Граф? Жив, здоров?

А если на кухне его не было, заглядывали под вагончик, где он обычно спал.

И вдруг пёс исчез. Не было его ни на кухне, ни в вагончиках, ни в весовой. Ребята как-то сразу погрустнели, обед прошёл без обычного веселья. Целый день повсюду искали его, но так и не нашли.

Ночью ребята долго не спали и отчаянно дымили — в вагончике нельзя было продохнуть. Никита, взяв подушку и одеяло, ушёл на озеро и спал в копне сухого камыша.

Наутро, к завтраку, Никита Громов пришёл на кухню, держа Графа под мышкой.

— Иду я это мимо землянки, — рассказывал он притихшим ребятам, — слышу, кашляет кто-то. Неужто, думаю, Архипыч так простыл после ночного дежурства?

Ребята, оставив ложки, посмотрели на сторожа Архипыча. Сторож продолжал невозмутимо есть, глаза его были игриво-безучастны, словно рассказ шофёра несколько его не касался.

— Открываю я это дверь, — продолжал Никита, — а мне в

ноги прямо и торкнулся Граф. А в землянке никого нет, одна собачка мается. Вот какая, значит, история получается. Некоторые, стало быть, — не будем указывать личности, — решили приспособить коллективную собачку в частную собственность.

Старик, не смущаясь, облизал усы, собрал в ладонь хлебные крошки, отправил их в рот и сказал:

— Вам баловство одно, а я его к охоте приспособлю. Всё одно он у вас тут пропадёт, а у ейной породы большая способность на дичь...

Граф, смиренно сидевший у Никиты под мышкой и, казалось, внимательно слушавший разговор, в этом месте злобно твякнул на старика. Весь вагончик дружно рассмеялся, старику не дали договорить и выпроводили вон, а пёс долго ещё лаял ему вслед.

Чтобы Графу не было скучно, Никита раздобыл ему на центральной усадьбе котёнка Мурзая, лохматого забияку, и

целыми днями они дрались, поддавая друг друга лапами. Вокруг собирались болельщики и горячо их подуськивали. В стычках на земле Граф чувствовал свое превосходство и действовал толстыми лапами, словно боксёр в перчатках. Зато Мурзай легко ускользал от него, вспрыгивая на крыльцо или табуретку и оттуда бил его лапой по носу. Граф обиженно фыркал, прыгал на задних лапах, пытаясь стащить Мурзая вниз. Иногда же делал отчаянные попытки вскочить наверх, но с позором брыкался о пол. После этого он бегал вокруг недостигаемого Мурзая и растерянно махал хвостом: «Что же это, а? Мурзай может, а я нет?» И тут же словно забывал о Мурзае. Он фыркал, встряхивался и начинал бегать между ногами, то одного, то другого хватал за штанину, упираясь всеми четырьмя лапами. Иногда так и волочился по земле, пока не бросался в сторону, увлечённый новой целью.

Эти драки собирали многих болельщиков. Проезжавшие мимо шофёры нередко останавливались, из кабины следили за «боксёрскими встречами» и заводили такой разговор:

— Да на что вам столько зверей? У вас эвон котище какой — загляденье! А нашей бригаде хоть бы щенка отдали...

— Но, но! — гремел Никита Громов. — Разговорчики! А то живо спровадим!..

Но, как ни берегли пса, как ни следили за ним, всё же он исчез.

Однажды Никита прихватил его с собой на элеватор. Пока он ходил по разным делам, пёс выбрался из кабины и затерялся среди машин и гор зерна. Больше часу рыскал шофёр по элеватору, заглядывал, в вагоны, стоявшие под погрузкой, в склады, в сушилки, спрашивал всех встречаемых:

— Не видели тут собачки, махонькой такой? Ну, ребята, найдите мне её, заплачу в крайности...

Потом он, совершенно убитый, ввалился в контору, уселся на стул и тоскливо уставился на бухгалтера Галочкина, щёлкавшего на счетах.

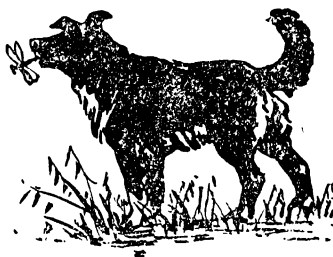
— Послушай, Галочкин, может, у тебя где-нибудь?..

— Что я его в сейф спрятал, что ли? — буркнул Галочкин, продолжая щёлкать. Никита горестно махнул рукой и поднялся.

— Оторвут мне в бригаде голову, ей-богу оторвут...

Так и уехал ни с чем. А к

вечеру бухгалтер элеватора Галочкин, закончив все свои дела, вытащил пса из негосгораемого шкафа, запихнул в портфель и, мечтательно улы-

баясь, унёс домой. Скоро из Челябинска должна была приехать семья — жена с сыном, вот и будет подарочек Витьке, решил он.

Жил Галочкин в комнате один и, уходя на работу, оставлял псу молоко в кастрюльке, хлеб, иногда в портфеле приносил из чайной гуляш. С собаками он никогда в жизни дела не имел, настоящей клички так и не придумал, а называл его просто Цуциком, — так называют всех маленьких бездомных собак.

Пёс целыми днями скулил, царапался в дверь, а как-то вечером Галочкин, придя домой, в комнате его не нашёл. Он обследовал грязные углы, лазил под кровать, переворачивал бумажки в ящиках письменного стола и долго с недоумением стоял перед открытой форточкой окна. Затем он вышел на улицу и обследовал цветник, который разводил под окном к приезду семьи. Флоксы были помяты, от клумбы тянулась цепочка босых ребячьих следов. Галочкин бросился к сержанту милиции Абдулаеву, но на полпути уныло махнул рукой и пошёл домой.

А Филька, — теперь пса звали Филькой, — жил отныне в школьном сарае и на этот раз

имел чуть не с полсотни хозяев. Он был вечно окружён ребятами, к нему постоянно тянулись руки, на шее появился колокольчик, и он со

страшным трезвоном носился по двору, гоняясь за курами.

Спал он в полутёмном сарае, рядом со школьной клячей Муськой, хватал её за бабки, выискивая себе поуютнее местечко для сна. Кобыла жила в вечном страхе, как бы не наступить на пса.

Учитель физкультуры Овсянкин взял как-то Фильку на охоту. Поехали большой компанией на озеро Ушколь. Пес трясся в кузове, скользя из стороны в сторону на всех четырёх лапах, на ухабах подпрыгивал, чуть не вылетая за борт. На озере пёс исчез в камышах и у костра появился только ночью, с подстреленной лысухой в зубах. Вокруг шло весёлое пиршество, пса закармливали рыбными остатками, а потом все заснули. Один только Филька, подсыпав теплой золы под живот, всю ночь не спал у погасшего костра и караулил.

Утром возле машины его не нашли. Подозрение пало на табунщика Мухтара — он пас неподалёку колхозных коней.

— Зачем мне ваша собачка? У меня своих хватает, — скалил зубы Мухтар, кнутом показывая на жёлтых, поджарых и сутулых псов, которые чин-

но сидели и слушали, о чём говорят люди.

Так и уехали ни с чем. А Овсянкин, вернувшись в посёлок, не заглядывая в школу, отправился на районную учительскую конференцию, чтобы не попадаться ребятам на глаза.

Филька, теперь уже Сантык, жил у Куантая, племянника Мухтара, колхозного пастуха. Спал он вместе с овцами в овчарне, по утрам гонял отару к озеру, кусал отстающих за ноги и чувствовал себя их полным хозяином. И хотя ростом пёс не прибавил, у него прорезался гулкий и хриплый басок, и овцы испуганно шарахались от его грозного лая. Пёс привык к вольной степной жизни и, может быть, от воздуха, солнца, мяса и кислого кумыса глаза его налились волчьим блеском. Он был яростен и неутомим в своей новой службе.

Однажды мальчик взял его с собой. Это была страшная гонка. Никогда ещё пса так не трепало. Он мотался на шее коня, цепляясь лапами за гриву, ляскал зубами, пытаясь схватить повод. И жутко гудел в ушах упругий степной ветер. После поездки пса полдня пошатывало, он ходил вялый и спал без сновидений целых шестнадцать часов.

Как-то руководитель студенческой группы Андрей Стукач, проезжая мимо озера, притормозил мотоцикл и засмотрелся на пса, который гонялся в камышах за стрекозами. Овцы в это время спали, а пёс жаждал деятельности. Ан-

дрей слез с мотоцикла и пошёл в заросли. Пёс, не чуя опасности, с огромной зелёной стрекозой в зубах подошёл к Андрею и предложил ему подарок. Однако Андрей захватил с собой и пса. Он спрятал его в куртку, задёрнул замкомолнию, посидел немного в зарослях, а потом невозмутимо, вразвалочку пошёл к мотоциклу.

Первый день пса держали в сельском клубе, под нарами, на которых спали студенты. На всякий случай, пока пёс не привыкнет, его решили не выпускать. Пёс настороженно глядел из-под нар на обувь разных размеров и фасонов. Тут были и футбольные бутсы, туго зашнурованные, и разношенные кирзовые сапоги, и высокие тапки с жёлтыми резиновыми кружочками на лодыжках, в общем это была самая дешёвая обувь, студенческая. Под нары то и дело летели кусочки мяса, обглоданные косточки, сахар, консервные банки, на стенках которых, царапая нос, можно было добыть пряные кусочки рыбы. Пёс всё это начисто подметал, но высовываться не решался. Только к вечеру он осмелился высунуть нос из-под нар. Он подошёл и посмотрел вверх, — над ним сразу же склонились молодые лица — очкастые, бритые, улыбчивые, серьёзные, — и сразу же множество рук потянулось к нему.

Вскоре пёс освоился среди студентов, потому что это был хороший народ. Он исправно нёс почтальонскую службу, та-

скал записки от ребят к девушкам и обратно, бегал с дежурными по кухне в ближний лесок за дровами, смотрел по вечерам кинокартины в длинном узком коридоре, прогонял от кухни бычка Михася, которого деревенская соседка не без умысла выпускала из сарая.

Часто, по вечерам, он усаживался на крыльце, возле которого собирались студенты и деревенские ребята, смотрел на танцы, слушал весёлые и грустные песни. Порой вокруг него разгорались яростные споры.

— Народы! — кричал высокий сутулый студент в очках. — Зачем разыгрывать пса? А где ты будешь держать его в Москве? В общежитии? А у меня идеальные условия — ванная, центральное отопление, прекрасный вид из окна!..

Но бас его тонул в крике и шуме других голосов.

— Нет, вы подумайте, как она тянется ко мне, — говорила девушка в спортивных шароварах, приседая перед псом на корточки и давая ему облизать пальцы, вымазанные вареньем. — Она признаёт только меня. Нет, вы только посмотрите, как она лнёт ко мне...

— Это вовсе не она, а он, — тремел долговязый. — Убирайся-ка ты, уважаемая, тут и без тебя хватает охотников.

У пса появилось сразу множество кличек — и Агамемнон, и Плюсквамперфектум, и Клемансо, и Водород. Он окончательно запутался в них и отзывается только тогда, когда ясно видел перед собой что-либо вкусное.

А между тем во второй бригаде, где работал Никита Громов, никак не могли забыть пропавшего Графа Голову. Никите не оторвали, но простить ему пса не могли. Да и сам шофёр не находил себе места. Люди отчего-то стали раздражительны, часто ссорились, а Алёша Ключовкин заболел бессонницей и часто вспоминал семью.

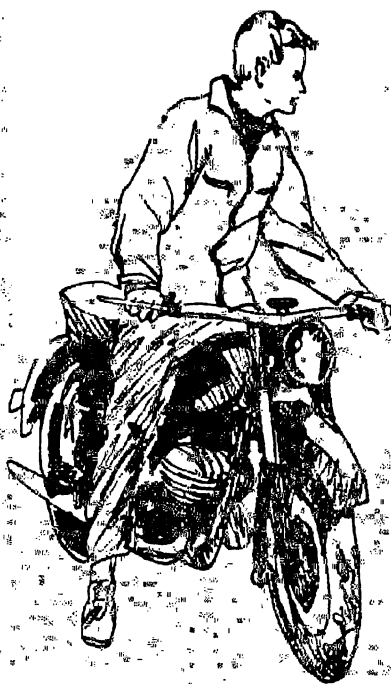
мью.

— Не знаю я, в чем дело, — сказал как-то бригадир Одинец, — но ты бы, Никита, пошукал пса по соседним бригадам.

Никита сжал свои пудовые кулаки и потряс ими в воздухе.

— В лепёшку разобьюсь, всю целину перерою, а найду нашего Графа!

С той поры в своих поездках он не пропускал ни одного

встречного, чтобы не спросить о Графе, ни одной бригады, чтобы не заехать туда и не учинить придирчивого обыска. Он постепенно, по цепочке, установил всех владельцев, у которых проживал пёс, крупно объяснился с Галочкиным, Овсянкиным, Мухтаром, поднял на ноги милицию в лице сержанта Абдулаева, но набрести на последнее местопребывание пса так и не смог.

Однажды с элеватора Никита заехал в райком комсомола, чтобы захватить с собой инструктора Сомова, который по каким-то делам должен был побывать во второй бригаде. Сомов находился в кабинете первого секретаря, а Никита, дожидаясь его, от нечего делать просматривал развешенные на стене комсомольско-молодежные бюллетени, собранные из различных бригад. Это была районная выставка стенгазет «За хлеб», «За урожай», «Целинник», «Полынь», «На вилы», — всего было их штук пятнадцать и все примерно таких же названий.

Никита лениво переходил от одной газеты к другой, но у одной задержался и стал разглядывать ловко нарисованную карикатуру: вокруг пса, стоявшего на задних лапах, взявшись за руки, водили хоровод ребята и девчата, а рядом с грузовика что-то кричал человек, указывая на пустующий ток с зерном.

Инструктор Сомов был немало удивлён, когда Никита вдруг повернул машину в дру-

гую сторону, к большому озеру.

— Поймай, да ты же едешь в шестую бригаду...

— Мне там деталь одну обещали, — невнятно пробормотал Никита. — Дело такое неотложное, пять минут и вся недолга...

— Знал бы, другого попросил подкинуть.

Никита остановил машину, не доезжая стана, попросил Сомова не волноваться, а сам пошёл к вагончику, из трубы которого вился дымок. Засунув руки в карманы, он беспечно заглянул на кухню.

— Граф! — шёпотом произнёс он.

— Что? — не поняла девушка, чистившая картошку.

— Да вот дружка ишу — не у вас ли он...

Никита обошёл палатки, вагончики и направился к клубу.

— Вам кого? — спросила девушка, сидевшая на куче зерна в ожидании машин.

— Гайку потерял, чёрт возьми, никак не найду...

В это время из клуба вышел очкастый студент с зубной щёткой и кружкой воды. Он стал чистить зубы и внимательно следить за Никитой.

— Гайку, говорит, потерял. — сказала девушка и пожала плечами.

— Вижу, как же, — отозвался студент.

— В общем дело такое, — помрачнел Никита и решительно посмотрел студенту в глаза. — Проживает тут у вас одна собачка, так что желательно посмотреть её...

Из клуба вышли другие ребята.

— Собачка, говорите?—студент в очках вылил из кружки воду и подошёл к шофёру. — А гайка как же? Можем одолжить, если не хватает. — И он выразительно посмотрел на ребят.

— Мне собачку надобно посмотреть, — наливаясь злостью, повторил Никита.

— А может, вы точно знаете, какую именно? Серую, синюю или жёлтую в полосочку?

— Да нет, мне чёрную, маленькую такую, глазастую, хвост торчком...

У ребят вытянулись лица, они растерянно переглянулись.

— Да нет, дорогой, вы ошиблись, — сказал студент в очках. — Нет у нас никакой собачки, ни чёрной, ни глазастой, ни с колечком... Собак не держим.

— Вы меня не путайте, — сказал Никита. — Не уйду, пока не проверю.

Студенты равнодушно стали расходиться — кто на кухню, кто в клуб.

— Ну ладно, раз так, — процедил Никита, сжимая кулаки, и вдруг на весь стан гулко прокричал:

— Граф! Графчик!..

Так и нашёлся пёс. Студенты высыпали из клуба и на разные голоса кричали:

— Агамемнон!

— Водородик!

— Клемансо!

А пёс, словно извиняясь, виновато оглядывался на ребят, но всё же предательски бежал за Никитой. Шофёр шёл, даже не оглядываясь, потому что очень был уверен в Графе и знал, что не такая у него душа, чтобы забывать старых друзей.

Вечером, за ужином, как и раньше, Граф сидел на столе и, не считаясь с графским достоинством, перебрасывал кость с одной щеки на другую, переворачивался на спину, грозно и сытно урчал, слыша вокруг себя шумные разговоры и смех.

Ночью Граф спал под боком у Никиты, посапывал, как ребёнок, а тракторист Алёша Клюковкин, вплотную придвинув кровать к соседу, долго не спал, мечтательно глядя на пса...

Весёлые портреты

Земляника

Таится, краснея,
В лесу, среди трав.
Что сделаешь с нею:
Таков её нрав...

Апельсин

Вырос он под солнцем юга,
А пришёл туда, где выюга, —
Круглолицый,
Желтокожий,
Весь на солнышко похожий!

Гранат

И называли же: «гранат»! —
Не пугали бы ребят.
Не умрёшь, коль ненароком
Обольёшься сладким соком...

Гриб

Без рубахи.
Без пальто.
А без шляпы —
Ни за что!

Лук

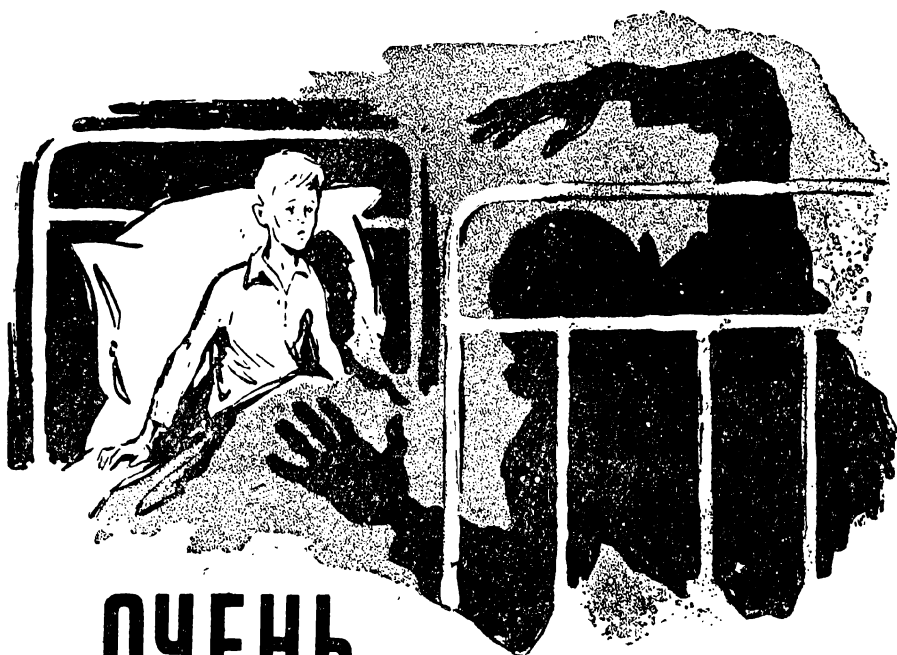
«Прощай, мой чуб,
Ты брошен в суп...» —
От горьких мук
Стал горьким лук.

Брюква

Симпатична.
Молода.
Но зачем же —
Борода?...

Рисунки автора

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

— Петро, а Петро! — кричит он. — Хватит дрыхнуть, святой угодник. Вылазь, опять засели.

Мама беззвучно плачет, и слёзы её капают мне на лицо. Солёные и крупные, они стынут у меня на лбу, а я снова закрываю глаза. Мне её совсем-совсем не жаль. Пусть плачет. Так ей и надо. Я ненавижу сейчас её так же, как и

дядю Петю. Даже ещё сильнее.

Дядя Петя... Мама... Это же надо только придумать такую ерунду! Они мне не нужны, не нужны оба. И мать не нужна. Я выброшу все её письма и уеду в санаторий. Напишу дяде Егору, и он меня заберёт. А когда она приедет ко мне, я скажу врачам, чтобы её не пускали. Что я не хочу её видеть. Эх, лучше бы у меня не было рук, чем ног. Тогда я мог бы вот сейчас выпрыгнуть в открытую дверку и убежать в лес. И никто никогда меня бы не нашёл: ни мама, ни дядя Петя. Я вернулся бы в Минск, к Веньке, к Алёшке, к Григорию Яковлевичу, который ругал меня за то, что я подзабыл

Продолжение. Начало см. в "Искорке" № 4—7 за 1962 г.

устный счёт. Я был бы свободным человеком, свободным, как ветер. А так я что? Кукла, которую закутали в одеяло и держат на руках. Куль соломы. Куда захотят, туда отвезут, где захотят, там выбросят.

И опять ныряет машина в колдобины, и опять смыкаются у меня глаза.

Наконец я слышу, как мама осторожно трясёт меня за плечо.

— Проснись, сынок, приехали, — почему-то шёпотом говорит она и дрожит мелкой дрожью. — Проснись.

У машины шофёр и дядя Петя ожесточённо торгуются.

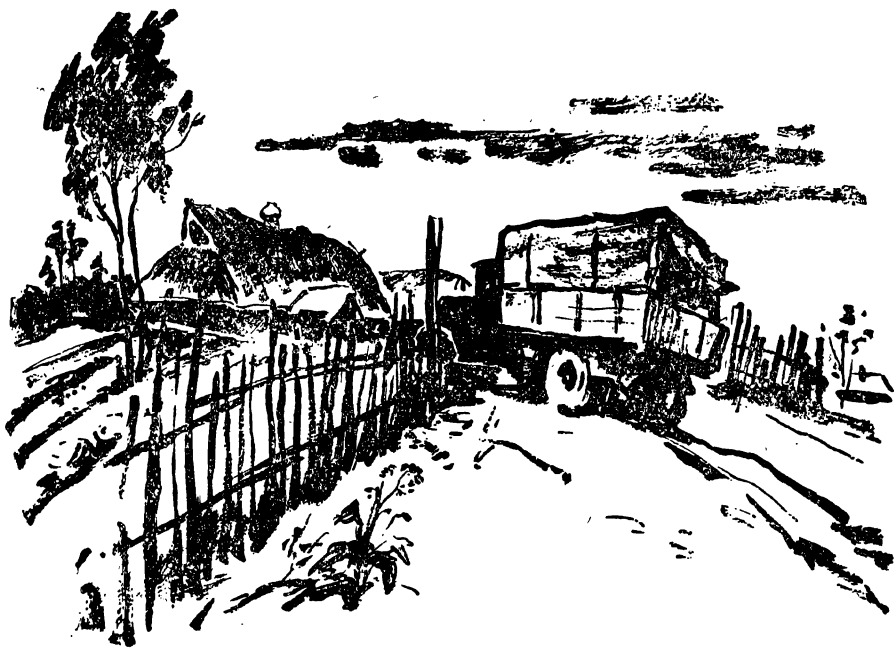
— Ну, пятёрочку, пятёрочку, хоть убавь, мил человек, — тоненько скулит дядя Петя. — Ну что тебе сто́ит... Всего ведь пятёрочку.

— Чёрт с тобой, живо-глот, — мрачно говорит шофёр и ругается. — Гони монету.

Потом дядя Петя и шофёр дружно колотят кулаками в ставни низкого приземистого дома. Сквозь щели я вижу, как в нём зажигается свет. Сухо лязгают затворы, и на пороге появляется старуха с лампой в руке. Она подозрительно смотрит на нас и говорит:

— Чего стучите-то, всех собак поднимете. Проходите.

Мать вносит меня на руках в комнату и опускает на широкую деревянную кровать. Дядя Петя с шофёром таскают узлы и мебель. Мама сидит возле меня, бессильно сложив руки. На потолке от лампы качается жёлтый круг. Я проваливаюсь в какую-то бездонную пропасть.

ХУТОР КАЧАЙ-БОЛОТО

И кто мог дать этому хутору такое глупое название, ума не приложу. Сколько ни допытывался—никто не знает. «Качай-Болото» и всё. Оба слова пишутся с большой буквы и через чёрточку. Почему? Этого не знает, наверно, даже Анна Константиновна, моя бывшая учительница русского языка. А может, она знает? Только до неё далеко, не спросишь.

Это название просто мучает меня, и я целыми днями лежу и пытаюсь хоть как-нибудь его объяснить. И ничего не могу придумать. Ну, «болото» — это ясно: мама говорила, что тут кругом непроходимые болота. Полесье. А вот почему — «Качай»? Кто и зачем его качает, это болото? Ума не приложу. Просто ерунда какая-то, да и только.

Дом, в котором мы живём, стоит на отшибе, у самого леса, и из окна мне хорошо виден весь хутор. Он маленький, всего шесть домов, и лепятся они по правую сторону широкой грязной дороги, на которой пробита глубокая колея, далеко друг от друга, разделённые огородами и садами, с которых ветер уже содрал все листья. По утрам над домами появляются шапки дыма. Он растекается по крышам и оседает на землю, прихваченную первой изморозью. На все голоса кричат петухи; лениво и гулко, — видимо, просто для порядка, — лают собаки. Наша Мурза — огромная, как телёнок, немецкая овчарка с широкой грудью и сильными

длинными лапами, никогда не отзывается на их лай. Она сидит на длинной цепи, которая скользит по проволоке, протянутой вдоль дома, готовая в любую минуту прыгнуть и вцепиться в горло каждому, кто зайдёт к нам во двор. По утрам старуха выносит ей миску похлёбки, и она ест, жадно и громко чавкая и с хрустом разгрызая кости большими жёлтыми клыками.

Дом, в котором мы живём, очень старый, все брёвна в нём источены какими-то жучками. Окна маленькие и низкие, почти возле самой земли. Чтобы посмотреть на улицу, здесь мне даже не нужно приподниматься. Повернул голову, и смотри. Крыша покрыта толстым слоем почерневшей соломы. На ней растёт мох. Когда мама выносит меня во двор подышать воздухом, я подолгу смотрю на него. Это какой-то удивительный мох. Кругом всё черно и серо, а он зелёный, как будто сейчас не поздняя холодная осень, а весна.

За домом стоит сарай с большими деревянными воротами. Там живёт корова Лысуха, у которой обломан один рог, и три кабана. По вечерам дядя Петя часто обсуждает со своей матерью, старой тёткой Марылей, сколько он за них выручит денег, когда отвезёт под Новый год в Минск. Получается много. И дядя Петя тоненько смеётся и потирает от удовольствия руки.

Я смотрю на него, и мне становится противно. Сколько раз ещё в Минске я слушал его

рассуждения о том, что не надо обзаводиться хозяйством: всё равно скоро придёт конец света, — а сам он кабанов держит и как их выгоднее продать думает. На словах — одно, на деле — другое...

Когда я однажды спросил дядю Петю, не боится ли он, что бог после смерти отправит его прямиком в ад за то, что он пьёт водку, хотя вечно твердит, что это — страшный грех, он, прожёвывая кусок сала и облизывая мокрые губы, добродушно ответил:

— Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасёшься. А я покаюсь — и спасусь. Так-то, брат, священное писание учит. И ты его чтить обязан.

В доме кухня, большую часть которой занимает русская печь с чёрной, закопчённой беззубой пастью, и две комнаты — одна большая, другая поменьше. Бабка Марыля спит в кухне на печи, я — в маленькой комнате. Моя кровать здесь тоже стоит возле окна. Рядом с ней — хромоногий столик. А ещё в комнате стоит огромный, окованный полосками железа сундук, на котором висит пудовый замок. На сундуке себе по вечерам стелет мама.

Когда бабка думает, что я сплю, она тихонько заходит ко мне в комнату и, поминутно оглядываясь через плечо, от-

мыкает сундук. Она влезает в него чуть не до пояса и долго копошится там, перекладывая что-то с места на место, и беспрерывно бормочет себе под нос, шамкая беззубым ртом. Из сундука так пышет нафталином, что, когда она уходит, подёргав за дужку замка и проверив, хорошо ли он закрылся, я открываю окно. Даже если на улице идёт дождь. Хоть на минутку.

Ключ от сундука бабка Марыля прячет за пазуху. Она не доверяет его никому, даже дяде Пете. По крайней мере я ни разу не видел, чтобы он открывал её сундук.

Носит бабка толстую чёрную кофту и длинную, чуть не до пят, заляпанную грязью юбку. Мама часто стирает её, но стоит бабке выйти во двор, и подол у неё опять в грязи.

Бабка — худая и длинная.

На лице у неё жёлтая кожа, морщинистая, как печёное яблоко. Крючковатый нос нависает над губой, а грязно-серые волосы закрывают уши. Она их скалывает кое-как алюминиевым гребешком и тугим узлом завязывает под острым выпяченным подбородком чёрный платочек. Точь-в-точь баба-яга.

До самых заморозков бабка ходила босой. Тёплые ботинки, которые ей привезла в подарок мама, она спрятала в сундук. Туда же пошло и новое платье. Когда стало совсем холодно, она надела обрезанные валенки с бахилами из красной резины.

Целый день она топчется по дому. Кормит скотину, топит печь, чистит сарай. Мама ходит на работу в колхоз. Дядя Петя сказал, что так надо, потому что иначе могут забрать сотки. Чем он сам занимается, я не знаю. Знаю только, что время от времени он исчезает иногда на неделю, иногда на две. Возвращается домой весёлый, запершись пьёт самогон и поёт тоненьким голоском пес-

ни. А Мурза за окном громко подвывает ему.

У нас никто не бывает. Утром из окна я вижу, как по улице с портфелями и сумками в школу спешат ребята, четыре мальчика и две девочки. Они совсем маленькие, — наверное, второклашки. Идти им два километра, до деревни Сосновка. Это центр колхоза. Там школа, клуб, больница. В клубе показывают кино и приезжают артисты. И там есть библиотека. А у меня — ни одной книги.

И почему среди этих ребят нет Венки! Они, наверно, даже не знают, что я тут лежу совсем один. А если бы и знали, так что с того? Всё равно они ко мне не придут. Попробуй приди, если Мурза, оскалившись, сидит на цепи, и глаза у неё как два раскалённых зелёных угля.

Надо мной повисают тяжёлые четырёхугольные потолочные балки. На стенах — на листах бумаги — слова из библии. Прямо перед глазами: «Бог есть любовь!» Хороша любовь, нечего сказать!

Где вы, ребята, дорогие вы мои друзья! Где вы, дядя Егор, тётя Таня, Лёнька? Профессор Сокольский, где вы? Заберите меня отсюда, из этого проклятого Качай-Болота! Заберите меня, я не могу тут больше!

У меня нет ни конверта, ни бумаги, чтобы написать им письмо, рассказать, где я. Я несколько раз просил маму купить мне тетрадь, конверты и карандаш, но она всё время забывает. Она приходит с работы и сидит, уронив руки на

колени, и глаза у неё холодные и пустые. Она всё реже подходит к моей кровати, всё реже разговаривает со мной. Она целыми часами стоит на коленях закрыв глаза, шепчет какие-то молитвы, а потом, как пьяная, падает на кровать. И лицо у неё вытянутое и белое, и синие дужки стынут под глазами.

Иногда, словно от толчка, она просыпается и опять становится моёй мамой. Она обнимает меня, гладит мои волосы, достаёт мне чистую рубашку и плачет, закрывая лицо руками. И я тоже плачу, и уговариваю её уехать отсюда, бросить всё и уехать. И тогда в ней опять словно что-то защёлкивается на замок. Лицо вытягивается, а губы сжимаются в тонкую полоску. И она становится чужой и далёкой.

— Потерпи, сынок, — каким-то заученным голосом говорит она, — для тебя ведь стараюсь. Вот крещение духом святым примешь, а там посмотрит тебя брат Маврикий, глядишь, и вылечит. Молиться тебе надо, сынок, молиться. Просить бога, чтоб вернул тебе здоровье, как вот я, да дядя Петя, да бабка за тебя просим.

Её слова обжигают меня ледяным холодом. Опять молиться... Принять крещение... Этого ещё не хватало. Я съёживаюсь под одеялом, натягиваю его на голову.

— Чего рассиделась, барыня? — шамкает бабка, и грязные космы выбиваются у неё из-под платка. — Возьми-ка вилы да из сарая навоз повы-

кидай. Нечего сидеть руки сложивши. Жрать небось любишь!

И мама покорно уходит в сарай. А я приподнимаюсь на постели и кричу этой бабе-яге в лицо:

— Не смейте так разговаривать с моей мамой, слышите, не смейте! Она вам не рабыня!

— Да пропади ты пропадом вместе со своей мамой, — шипит старуха, брызгая слюной. В тусклых глазах её зажигаются злобные огоньки, она сжимает в кулаки костлявые пальцы. — Явились тут на мою голову! Больно ждала я вас, ироды проклятые.

Старуха выходит, с трудом переставляя ноги в обрезанных валенках с красными глубокими галошами. Голова у неё трясётся, как у заводной куклы, но дверь она захлопывает с треском.

Под отставшими выгоревшими обоями шелестят тараканы. Ветер швырнул в окно горсть грязных листьев, и один, большой, лапчатый, — видно, тополиный, — приклеился к оконному стеклу. Протяжно и тоскливо завывала Мурза.

Качай-Болото, Качай-Болото, и кто тебя только выдумал!

БЕШЕНЫЕ

Первое время к нам никто не заходил — и люди и дорога обходили наш дом стороной. Затем зачастили гости.

По несколько раз в неделю, часам к шести, дядя Петя забирает Мурзу в будку. Мама скребёт полы и кладёт у порога охапку еловых лапок, а стол застилает белой скатертью.

Потом достаёт из сундучка свечи и ставит их в медные подсвечники.

Ждать гостей приходится довольно долго, — они не любят ходить засветло. Наконец темнеет. По хутору вспыхивают электрические огоньки. Бабка Марыля от электричества отказалась. Когда собираются люди, они жгут свечи. Когда их нет — керосиновую лампу. Нет в доме ни радио, ни газет, ни журналов. Всё это — по-бабкиному да дядиному — грех.

Ради гостей бабка нарядилась: надела широкую чёрную юбку, обшитую внизу лентой, и чёрную кофточку с большими перламутровыми пуговицами. Но на ногах у неё, как всегда, обрезанные валенки с красными, режущими глаза, галошами.

Мама и дядя Петя тоже одеты в чёрное, колючая дядина борода дерёт тесный воротничок белой в полоску рубахи, застёгнутой под самым горлом.

Старуха закрывает ставни и зажигает две свечи на столе. За печкой пронзительно верещит сверчок, в трубе чуть слышно — «у-у, у-у» — гудит ветер. Ровно тикают старенькие ходики, перегоняя стрелки по жестяному циферблату. Все трое молчат и вслушиваются в тишину за окном. И вот кто-то невидимый мышью скребётся в дверь. Дядя Петя вскакивает и, опрокинув табуретку, идёт открывать. Гость долго возится в сенях, крихтит, плюётся, потом входит в дом. Ласково здоровается со всеми.

Мама уже перенесла меня на кровать в большую комнату, и я могу его хорошо рассмотреть. Это высокий лысый старик с расчёсанной надвое и крупными кольцами спадающей на грудь бородой. Резиновые сапоги его облеплены грязью, — видно, пришёл издалека. Он проходит к столу, припадая на левую ногу, и на жёлтом полу за ним остаются чёрные рубчатые, как после тракторных гусениц, следы. Садится, гулко кашляет, брызгая во все стороны слюной, и смотрит на меня в упор круглыми, как у совы, слезящимися глазами из-под красных век. Дядя Петя суетливо достаёт из шкафа библию и подаёт её старику. Мама зажигает ещё две свечи. Старик раскрывает книгу и погружается в чтение. Читает он, наверно, по слогам, — медленно-медленно шевелятся его губы. Это «брат» Гавриил, проповедник нашей общины. Дядя Петя — её атаман, его называют пресвитером.

Немного позже гости начинают приходить один за другим, — дядя Петя только успевает вставать и открывать дверь. Дряхлые деды, старухи, какие-то женщины в платочках, неуловимо похожие на мать, даже не знаю чем — то ли бледными вытянутыми лицами с поджатыми ниточкой губами и синими дужками у глаз, то ли большими усталыми руками. Они бесшумно усаживаются на скамейки, на табуретки, перешёптываются и настороженно поглядывают на

старика и дядю Петю, которые сидят за столом. У двоих на руках маленькие дети.

Вскоре народу набивается полная комната. Какая-то тётка притащила с собой девочку лет двенадцати. На ней тоже грязные резиновые сапоги. Она сидит на самом краешке моей постели и ногами не достаёт до пола. Сапоги у неё то и дело соскальзывают, и она испуган-

но болтает ногами, чтобы задержать их.

Иногда, когда ей кажется, что я на неё не смотрю, девочка бросает на меня из-под длинных, чуть загнутых ресниц быстрый взгляд, но косые глаза у неё равнодушны и словно запорошены тоненьким слоем серого пепла. Перемазанные чернилами руки, в красных, словно от ожога, пятнах, ле-

жат на коленях, а лицо у девочки строгое и скучное, как у маленькой старушки.

Кажется, больше никого не ждут. По стенам медленно раскачиваются лохматые тени. Удушливо пахнет воском, от свечей к потолку ползёт сизый дымок. Бабка вопросительно смотрит на дядю Петю, он молча кивает ей. Тогда она выходит в сени и долго лязгает там запорами. Женщины перестают шептаться. У девочки соскальзывают сапоги и мягкими жабами шлёпаются на пол. Она нагибается, чтобы подобрать их, но тётка шикает на неё сквозь редкие выкошенные зубы, и девочка замирает, так и не успев выпрямиться и надеть сапоги.

Дядя Петя выходит из-за стола и торжественно говорит:

— Помолимся, братья и сёстры во Христе, и пусть ниспшлёт нам господь высшую благодать свою и озарит нас светом своим и очистит души наши от грехов тяжких.

И грохается на колени. И всех точно ветром сдувает со скамеек и табуреток, и все начинают бубнить какую-то молитву, выкатив глаза и прижимая к груди сложенные руки.

Девочка тоже спрыгнула с кровати и встала на колени. Но ей, наверно, жалко было нового платья в синие горошины, и она чуть приподняла его. И слов молитвы она, как видно, ещё не вызубрила, потому что только бормотала одно и то же: «Господи, прости... господи, прости... господи, прости...» Как попугай.

Тогда я нагнулся и дёрнул девочку за тоненькую косичку. Я уже несколько раз видел эти спектакли, и знал, что если все эти «братья и сёстры» завелись, то ты их хоть кипятком ошпарь — не заметят. Девочка вздрогнула, словно её ударили, но не оглянулась. Она прижимала к лицу ладошки в чернильных пятнах, а один чулок был у неё рваным, и из дырки выглядывала жёлтая пятка.

Я дёрнул сильнее. Неужели ей ещё не надоело бормотать?

Девочка сердито оглянулась и, не отнимая рук от лица, прошептала:

— Чего тебе?

— Иди ближе, дело есть, — шёпотом ответил я.

— Нельзя, мамка прибёт.

— Да она не заметит, — успокоил я её. — Смотри.

— «И спаси и помилуй нас!» — звонким протяжным голосом выкрикивала её мать, раскачиваясь взад-вперёд и протягивая к потолку руки с растопыренными пальцами, — и такая надежда была в её голосе, словно бог, действительно, вот-вот должен был слететь сюда на парашюте.

Посмотрев на мать, девочка успокоилась и, подхватив подол, на коленках переползла ко мне поближе.

— Как звать тебя?

— Катерина, а что? — шёпотом ответила девочка и скосилась.

— А меня — Саша. Слушай, ты в школу ходишь?

— Хожу, а что?

— В какой класс? В пятый?

— В седьмой, а что?

— Чего ты «ч токаешь», как сорока, — разозлился я. — Говорить не умеешь?

— Умею, а что?

Тут Кате показалось, что мать оглянулась на неё. Она быстренько сунула лицо

в ладони и снова забормотала: «Господи, прости... господи, прости...»

— У вас школа хорошая? — спросил я.

— А что там хорошего? — Катя круто повернулась ко мне. — Дразнятся все. Вчера Танька Копылова залезла на парту и кричит: «Один глаз на Кавказ, а другой на север!» Хорошо, да?

У меня заняло сердце.

— А ты бы ей — в зубы, — посоветовал я.

— Ну да! — оживилась Катя. — Ей дашь! Она знаешь какая здоровая! Раз Митька Анисов вступился за меня, так она ему чуть все волосы не повидирила. А потом ещё дразнила: «Жених и невеста»...

— А пусть бы ваш Митя ещё позвал ребят и отлупил бы её как следует, — загорячился я. — Ты же не виновата, что у тебя глаза такие.

— Не виновата, — вздохнула Катя и провела рукой по глазам. — Только её нельзя бить, она красивая, Танька Копылова... Просто жуть, какая красивая. Мальчишки ей запи-

сочки пишут, как же они её лупить будут? А мне вот не пишут.

Катя замолчала и прикусила нижнюю губу. И снова стала похожа на маленькую старушку. И в косых глазах её запрыгали

злые огоньки.

— А вот я сейчас помолюсь боженьке, и он меня вылечит, — хрипло прошептала она. — И стану я красивая-прекрасивая. И никто не будет меня больше дразнить. А Танька станет уродиной. Вот как ей будет.

Катя упала на колени, даже забыв приподнять платье, и горячо забубнила:

— Господи, господи, пошли на Таньку Копылову всякую хворь, и сделай её горбатой и беззубой, и чтобы уши у неё висели до самых плеч, и волосы бы повылазили все до одного. И чтоб стала она страшной, как жаба.

Ох, какая же это была отчаянная чепуха — всё, что бормотала Катя. И мне стало смешно и страшно. Чёрт его знает, что получается. Вон дядя Петя, старик, моя мама и весь этот народ лбы готовы рассадить, чтобы для людей божьей благодати выпросить, а Катька хочет Таньку в жабу превратить. Ей бы по морде надавать, и делу конец. А зачем ей — в жабу?

Я снова дёрнул Катьку за косы. Зло у неё уже прошло, но дышала она часто и прерывисто.

— Садись ко мне, — сказал я.

Катя села на кровать.

— Слушай, Катя, а тебе её не жалко будет?

— Кого? — удивлённо тряхнула она головой.

— А Таньку, когда из неё бог чучело сделает?

Катя задумалась.

— Жалко, — призналась она. Глаза у неё стали круглыми, как пуговицы. — А зачем она дразнится?

— А затем, что глупая.

Катя тихонько рассмеялась:

— И верно — глупая. Ни одной задачки сама решить не может. За неё Петька Шмырев решает. И шпаргалки на контрольных ей передаёт. А она как пойдёт в клуб на танцы, так только с большими парнями танцует, а на него и не смотрит. И у неё туфли на каблучках есть. Вот на таких, — показала она палец с обкусанным ногтем.

Я засмеялся.

— Ну вот, проси, значит, бога, чтоб он её в жабу не превращал, Таньку, — сказал я.

— А чего его просить, — махнула рукой Катя. — Ничего он ей не сделает. Я вот сколько за себя просила, ни капельки не помог. Мама просит, гляди, как убивается. Одна я у неё, — со вздохом сказала Катя, глядя на раскачивающуюся мать. — Любит она меня. И бьёт...

Но тут Катя замерла и со-

скользнула на пол. Молитва окончилась. Люди вставали с колен, тихонько усаживались, вытирали потные лица. Старик раскрыл библию и начал читать сухим дребезжащим голосом.

Дядя Петя сквозь растопыренные пальцы исподтишка поглядывал на людей. И чем больше все пригибали головы, тем ярче зажигались в его маленьких глазах довольные огоньки. Вот он глянул на меня, и я натянул на голову одеяло. Кажется, сейчас начнётся самое страшное.

И верно, старик захлопнул книгу. У Катки мелко-мелко трясутся плечи. Её мать уже причитает во весь голос, пронзительно орёт на руках у женщины малыш. Она прижимает его к груди и кричит над ним, растрёпанная и страшная.

Дядя Петя запекает какую-то песню, все подхватывают её, и мне кажется, что совы со всех наших лесов слетелись сейчас сюда и хлопают своими крыльями. У Каткиной матери на губах пузырями вскипает пена. Она иступлённо бьёт себя в грудь сухими кулаками и причитает, как по покойнику. У старика стеклянные глаза вот-вот вылезут из орбит, он орёт, широко разевая пасть, из которой торчат редкие жёлтые клыки. Бабка Марыля сорвала с себя платок и изо всех сил колотится головой о стену.

Бешеные, и среди них — моя мать. И я чувствую, что сам схожу с ума. Надо накрыться с головой одеялом, иначе я

тоже начну кричать, как вон та тётка с обезумевшими, полными слёз глазами, или как тот старик, что дерёт в клочья рубашку, словно она душит его. Но как же тогда Катька?

Я свешиваюсь с кровати и отчаянно тяну Катьку к себе. Она тоже готова сойти с ума. Косые глаза её смотрят на меня со страхом, зубы отбивают дробь. По лицу струится пот. Потом это проходит, и Катька тяжело садится на кровать. Я глажу её по волосам и стараюсь не смотреть туда, где сходят с ума большие, взрослые люди.

— Ты говоришь, тебя мать бьёт? — кричу я Кате в ухо, потому что за рёвом, который стоит в комнате, разговаривать невозможно. Катины глаза торопливо набухают слезами. Она вытирает их рукавом, размазывая по щекам, сглатывает слюну и отвечает:

— Ещё как бьёт. Вот видишь, какие косички жиденькие стали, — и она берёт в руки косу. — А были — в руку толщиной. Все волосы повывидирала. У меня от этого голова начала болеть. Так болит иногда — вся кожа горит.

— А за что ж она тебя? — осторожно спрашиваю я.

— Да вот за это самое, — кивает Катя на комнату, где несколько тёток уже лежат на полу и трясутся, как в падучей. — Я ведь пионеркой была. Галстук носила. Мама весёлая была, никогда меня не била. А как помер батя, ну тут и пошло. Связалась она с этими, и меня с собой таскать стала.

Галстук в печи сожгла. Я полезла доставать, все руки обгорели. Вот видишь? — Катя подтянула рукава, и я увидел, что на кистях у неё кожа стянута узкими рваными шрамами.

— Только она всё равно сожгла галстук. Потом я новый купила. В школе надену, а иду домой — сниму. А Танька ей со зла сказала. Ну, она мне так дала, что я два дня с постели подняться не могла.

— Гадина, — сказал я и сжал кулаки. Да, почти так всё было и у меня с матерью, когда я впервые галстук надел. И до чего же они, все эти сектанты, одинаковые. — Эх, наших бы ребят сюда! — и я вспомнил Веньку и Алёшу. — Они бы тебя в обиду не дали.

— А я своим не рассказывала про галстук. Потому что тётка Глуша — вот та, с маленьким, видишь? — сказала мне, что за это маму могут под суд отдать, а меня в детский дом. Страшно. Что я там буду делать? Да и маму жалко. Посадят её в тюрьму, помрёт она там.

— А мне маму не жалко, — сжав кулаки, сказал я и посмотрел в угол, где, хватая открытым ртом воздух, протяжно стонала моя мать, выкрикивая какие-то непонятные слова. Сказал, и почувствовал, что вот-вот заплачу.

— И всё-то ты врёшь, Сашка, — ответила Катя. — По глазам вижу, что врёшь. Как же можно маму не жалеть?

— Всё равно я отсюда уеду, — сказал я. Назад уеду,

в Минск. К дяде Егору, к Веньке, к Алёше...

И вдруг у меня мелькнула гениальная мысль.

— Катя, милая, слушай, принеси мне бумаги, карандаш и конверт. Я письмо напишу, чтобы меня забрали отсюда, а ты на почту отнесёшь. А то эта старая карга, — и я кивнул на бабушку Марылю, которая всё ещё колотила себя в грудь, — от меня всё спрятала. Принесёшь?

— Принесу, — пообещала

Катя. — Правда, живу я далеко, на Михалёвских хуторах, но всё равно принесу.

Несколько часов подряд колотились, махали руками, кричали и плакали сошедшие с ума люди. Хорошо, что мы были с Катей вместе, иначе и мы не выдержали бы. Очень уж страшно всё это выглядело.

Наконец бешеные начали приходить в себя. Они вытирали с лиц пот, хватали открытыми ртами воздух, поправляли платки. Женщина подхватила с пола своего ребенка и начала его укачивать. И только моя мама лежала ничком на полу и выкрикивала какие-то жуткие слова: «тала», «лата», «лата-та». Я уже знал, что это называлось «беседовать с богом на ином языке». А старик перево-

дил эти слова на язык человеческого. Какую околесицу он только не нёс, пока мама билась как в припадке, — и всё — про конец света. «От мира грешного останется пепел, кровь его будут лизать псы!» — торжественно выкрикивал старик, и люди всхлипывали и голосили от страха, подняв к потолку руки.

Бедная моя мама, и я совсем не могу ей помочь. Ещё несколько таких бесед с богом, и она сойдёт с ума.

— Поднимите её! — приподнявшись на руках, кричу я. — Что вы делаете, звери?

Люди растерянно оборачиваются ко мне. Катя проталкивается вперёд и поднимает маму. Но дядя Петя хватает девочку за плечо и отбрасывает к порогу.

— Не тронь, — свирепо говорит он Кате. — За него, несмышлёныша, просит она господа нашего, — и он кивает на меня, — за него...

Вскоре мама приходит в себя. Она поднимается с пола и садится в угол. Всё тело её вздрагивает.

Дядя Петя ставит на стол поднос.

— А теперь жертвуйте, братья и сёстры, на дело божье, кто сколько может, — ласково говорит он. — Оскуднел наш дом молитвенный, требуется ему большой ремонт. И за жертвы ваши отблагодарит вас господь.

На поднос летят смятые грязные бумажки. Дядя Петя зорко следит за тем, кто сколько кладёт.

— А ты, сестра Алёна, — подходит он к Катиной матери, — чего свою долю не вносишь?

Алёна съёжилась, и на её щеках вспыхнул жаркий румянец.

— Нету, брат Петр, денег у меня, ни гроша нету, — растерянно говорит она. — Вчера вот на последние Катке платье купила. Большая ведь девочка уже, а одежонки никакой, всё дорвала.

Дядя Петя грозно хмурится:

— О мирском думаешь, Алёна, о боге забываешь. Беса тешишь, губишь душу свою и дитяти своего. Смотри, гореть вам обеим в геенне огненной. Близится день страшного суда, скоро затрубят ангелы в золотые трубы. Что тогда скажешь?

Алёна затряслась и полезла за пазуху. Она вытащила две пятирублёвки и бросила их на поднос.

— Прости ты меня, грешную, за ради бога, брат, — заплакала она. — На ботиночки ей оставляла, бес попутал. Душу пусть спасает, и в резиновых сапогах проходит.

— Истинно говоришь, — смягчился дядя Петя. — Всем помнить надо — гости мы, жалкие гости на этой земле. Там, — махнул он рукой за окно, — ждёт нас вечное блаженство средь кущ небесных, и молить господу нашего должны мы, чтобы скорее прибрал он нас, грешных, в царствие своё.

Алёна размазала по лицу слёзы и дёрнула Катю за руку:

— Пошли.

Пошатываясь, цепляясь за скамейки и табуретки, люди начали расходиться. После них остались зашарканный пол, кислый овчинный запах и горка денег на подносе.

Мать сидела на скамейке, прижав кулаки к груди, и всхлипывала. Дядя Петя повернулся к ней.

— Убирай, — коротко приказал он, и мать бросилась к кровати. Она перенесла меня и загремела ведром: начала мыть пол.

Дядя Петя и старик сидели за столом и тихонько шелестели бумажками: считали деньги.

О ЧЁМ СВИСТЕЛ САМОВАР

Утром я проснулся от тихого и протяжного посвиста зеленовато-жёлтого, с глубокой вмятиной на боку, самовара. Когда он закипал, он всегда свистел сипло и грустно.

Серый, пасмурный сочился сквозь забрызганные грязью стёкла день. Ветер гонял по двору золотистую солому, разгребал дымившиеся кучи конского помёта и ерошил перья на воробьях, которые целой стайкой копались в нём. Перегоняя друг друга, к лесу спешили лохматые облака. Они стлались над самой землёй и клочьями сырой грязной ваты повисали на зелёных ветвях сосен и елей. По дороге растекалась грязь, застывшая острыми тусклыми бугорками. Её взрывала глубокая колея.

Мама уже ушла на работу, бабки тоже не было слышно. В большой комнате за стеной

чаёвничали дядя Петя и старик, которого я узнал по частому глухому кашлю. Старик тихонько позванивал в стакане ложечкой.

Я закрыл глаза, чтобы попробовать снова уснуть. Больно уж хороший сон перебил мне мятый самовар: будто собрались к нам на сбор ребята из 7-го «А» и я им свой «секрет» открываю — ракету показываю. И все охают и восхищаются, особенно Венька.

«Расскажи, — кричит, — как ты такое чудо соорудил?»

И тут я проснулся. И не успел рассказать. Хорошо бы заснуть снова, чтобы весь сон начался сначала!

Но тут я услышал такое, отчего сразу забыл и про сбор, и про Веньку, и про ракету. Говорил дядя Петя, тоненько и зло:

— Несправедливо, брат Гавриил, поступаешь, не побожески. В прошлый раз больше половины деньжищ отхлупал, и в этот норовишь. Так ить я по миру пойти могу.

— Не пойдёшь, — лениво возражал старик, громко прихлёбывая чай. — И бога ты в эти дела не вмешивай, не поминай всуе имя его. А деньгу гони: богу — божье, а кесарю — кесарево. То-то, голу-бок...

— Не дам, — взвизгнул дядя Петя. — Хоть режь, хоть коли — не дам. Третью получай, а больше и просить не моги.

— А на что мне тебя резать-то, мил человек? — ласково ворковал брат Гавриил. — Вот наговоришься ты вдо-

сталь, а я пойду, куда надо, шепну словцо, и нет тебя, брата Петра, понял? — Старик заговорил тише, но голос его стал сухим и жёстким. — Да ты сиди, сиди, не хватайся за стакан-то, горячий больно, руки обожжёшь.

На несколько минут в комнате установилось молчание. Было слышно только, как хрипло, с придыхом сопел дядя Петя да посвистывал самовар.

Старик опять зазвенел ложечкой.

— Вот так-то и лучше, голубок, — затянул он ровным масляным голосом. — А идти я никуда не пойду, ты не бойся. Ишь, сердешный, аж сбелел весь. Но и порядка рушить тебе не дам. Вот помру, всё тебе оставлю, в могилу с собой не понесу. А теперь — ни-ни.

— Как же, помрёшь ты, ста-

рый пёс, — сказал дядя Петя. — Раньше нас на тот свет отправишь.

— Все мы в руках божьих, и воля его, кого к себе раньше призвать, — смиренно ответил старик и потянул из блюдечка чай.

Дядя Петя захрустел бумажками.

— И зачем тебе, брат Гавриил, деньжищ такая прорва? — помолчав, недоуменно спросил он. — Одинок ведь, зельем не балуешься, а за рупь человека удавить готов.

— И удавлю, — неторопливо согласился старик. — И ты удавишь, и я удавлю. А деньги мне на святое дело нужны. Продавщица Низковского сельпо растрату сделала. Промотала казённые денежки, а сейчас впору в петлю лезть. Вот мы ей и подкинем, покроем её грех. И придёт она к нам

дорожкой ровной. А это, брат Петр, великое дело. Служба у неё такая — весь день меж баб. Одной святое словцо скажет, другой шепнёт, глядишь, побóлеет божьих овечек в нашем стаде.

— А ты их и острижёшь, — захихикал дядя Петя. — Ох, и дошлый же ты, брат Гавриил! Золотая у тебя голова, дарма, что плешивая.

— Ты мою плешь не займай, — обиделся старик. — Я дело говорю. Только дело это далёкое. Когда там рыбка клюнет, а мошна моя совсем опустела. С этих вот, — и он пошелестел на столе бумажками, — не шибко разживёшься. Мало стали жертвовать люди, мало. Да и самые богатые отошли. Манька Спиридонова, скажем, или там Илья Гурнов. Тот, бывало, по сотенной зараз выкладывал. А теперь его в молельный дом и на верёвке не затянешь. Ну, а из этой мелюзги много ли вышибешь, коли в ней еле душа держится.

И опять тяжёлое, как облако за окном, повисло в комнате молчание. Даже самовар не нарушал его, весь изомлел паром.

Дядя Петя встал и осторожно направился к моей комнате. Я натянул на голову одеяло и замер. Он приоткрыл дверь, посмотрел на меня так, что даже сквозь одеяло оцарапал своими маленькими приплюснутыми глазами, и вернулся назад.

— У меня тут мысля одна есть, — зашептал он, и я прижался ухом к холодной стене,

чтобы расслышать его слова. — Поубавилось в народе веры, это ты правильно говоришь. Надо кровью стадо наше от грехов суетных очистить, чтобы трепет всем перед всевышним внушить. А то заглохли мы малость — ни видения, ни чудесного исцеления никакого.

— Это верно, — задумчиво пожевал старик. — Только кровь — она не водица. Где возьмешь? Санькиного ребеночка не тронь — она за него тебя как раз под стенку подведёт. Не готова ещё, не приняла слова божьего в сердце своё. А много бы страху нагнать на овечек наших кровушкой-то невинной можно было, ой, много. И пошатнувшиеся в вере укрепились бы, — шатаются, брат, молодые-то, отойти от нас норовят.

Старик гулко отхаркнулся и смачно сплюнул на пол.

— Сам вижу, что не крепки молодые в вере, тянутся к людям, — засипел дядя Петя. — Потому и предложил. Нюрку видел? Я так её согнул — из неё верёвки вей, слова не скажет. А сын её суший волчонок, горло мне уже переел. Его вот мы и — того...

У меня с гулом оборвалось сердце, и я до крови закусил губу, чтобы не закричать. И плотнее прижался ухом к стене.

Старик долго сморкался и кашлял, затем сказал:

— Ну что ж, дело доброе. Мальчонку тут никто не видал, всё спокойненько и обернётся. Значит, в воскресенье Яшке-

дурачку видение будет — жертвы искупительной просят господь. Истолкую я, что кровью Нюрке надо от грехов очиститься. А если она не пойдёт на это дело — сам не зевай.

— Ладно, — глухо ответил дядя Петя, — не прозеваю. Только давай сейчас условимся — меньше трёх четвертей сбора не беру.

— Бог с тобой, — ласково ответил старик, — там сойдёмся. Ну, спасибо за хлеб-соль. Я по селам пойду, надо побóлей наших-то трясунов собрать. Да и ты займись этим. Слух пустим — в воскресенье света конец. Пусть дома́ продают, коров, одежонку. С деньгами пусть идут, у тебя, мол, в доме святом, сядем в белых одеждах, будем конца ждать. А прикончишь мальчонку да соберёшь деньги — уходить нам отсюда надо. И так уже на нас местные власти косятся. Как возьмут да потрясут —

концы нам. И старые твои дела на свет белый выплывут, да и за новые ответ держать придётся. Проговорился мне знакомый один — человека, что дружинника в Минске пришил, по сей день ищут. Не угомонились. Разумеешь?

— Разумею, — хрипло пробормотал дядя Петя.

Старик прочитал себе под нос какую-то молитву, которую тут же подхватил дядя Петя, и вышел, шаркая своими резиновыми сапогами. Вскоре за окном мелькнул его кожих и потёртая шапка с оборванным ухом. Ветер кудрявил его пышную окладистую бороду.

Дядя Петя потоптался по комнате, заглянул ко мне и, убедившись в том, что я сплю, тоже вышел, осторожно прикрыв дверь. Я остался один. В соседней комнате остывал самовар. Как хорошо, что он разбудил меня сегодня своей тоскливой силой песенкой.

(Продолжение следует)

Ненастный день

В тучах солнышка не видно.
Ветер хлещет, дождь сечёт.
Так обидно, так обидно:
Отменяется поход!

— Подбодритесь-ка, ребята, —
Утешает нас вожатый. —
Неплохая книжка есть,
Предлагаю вслух прочесть.

Все молчат, носы повесив.
Ну чего ему сказать?
И о речке, и о лесе
Можно только помечтать.

На дворе холодновато,
Ветер хлещет, дождь сечёт...
Ладно, пусть уже вожатый
Эту книжку нам прочтёт.

Ой садится у окошка,
Чтобы лучше падал свет.
Открывается обложка,
Неприметная обложка,
Никаких картинок нет!

Но страница за страницей
Зажигает наши лица.

Присмирившие мальчишки
Не отводят глаз от книжки.

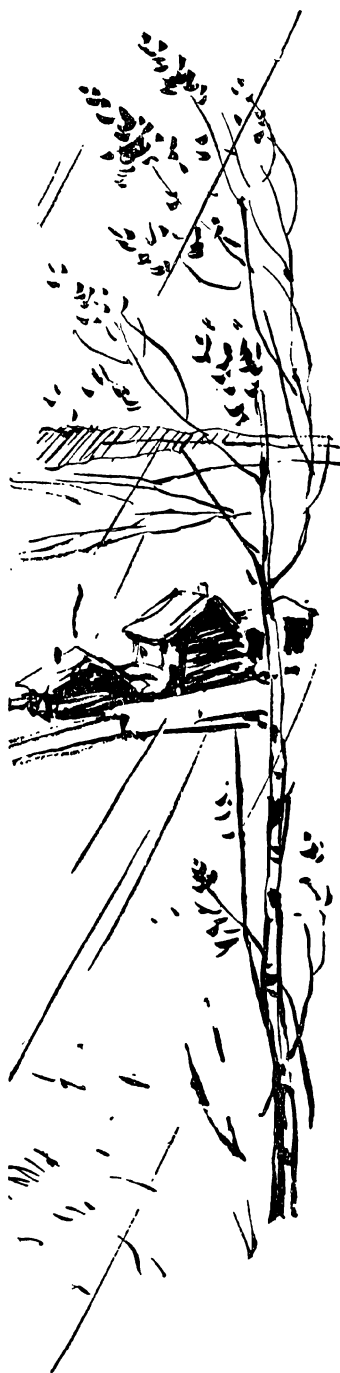
Видят мысленно девчонки
Знойный берег Амазонки...

Вдруг вожатый у окошка
Говорит: — Пора. Обед.

Закрывается обложка,
Никаких картинок нет...

— Ну и пусть, — кричат ребята, —
Ветер хлещет, дождь сечёт.

Может, нам потом вожатый
Что-нибудь ещё прочтёт?!

ФЕЙЕРВЕРК

(ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТСТВЕ)

О ПОЕЗДКЕ к тётё Кате я знал ещё до каникул.

— Если хорошо сдашь экзамены, я свезу тебя к тётё Кате, — пообещал мне отец.

Экзамены сошли благополучно — я перешёл в третий класс, — и меня действительно отвезли погостить к тётё Кате.

Ехал я к ней с удовольствием. Во-первых, жила она в губернском городе, а во-вторых, у тётё было двое сыновей: мой ровесник Коля и маленький Петя.

Колю я уже знал — он в прошлом году приезжал с тётёй к нам. Мы прозвали его «шеснадцац», потому что они жили в доме № 16, а Коля произносил эту цифру так: «шеснадцац».

А Петю я ещё не видал ни разу.

Петя оказался белокурым мальчиком шести лет. Он боялся Вия, по всякому поводу спрашивал: «а зачем?», и что бы мы ему ни отвечали, он всегда недоверчиво бурчал:

— Вудумуваешь!

Тётя жила в тихой улочке, в небольшом деревянном двухэтажном доме. Владелец дома Исай Маркович, маленький и толстый, как бочонок, торговал на углу в киоске водами. У него была причуда: Исай Маркович страшно боялся, как

бы не сгорел его дом. Он сам не курил и жильцов подбирал некурящих и не имеющих детей: во всём доме дети были только у тётё Кати. Тётя жила в его доме уже давно и, как учительница, пользовалась большим уважением Исаея Марковича.

Когда владелец дома впервые увидал меня, он спросил:

— Екатерина Игнатьевна, это ваш племянник? У, какой большой! Настоящий студент. Он, наверно, уже курит?

— Что вы, что вы, Исай Маркович! Лёня не курит! У нас в роду никто не курит, — невольно преувеличивая, поспешила разуверить его тётя.

Но Исай Маркович был так же недоверчив, как и Петя: он старался всякими путями подловить нас, мальчишек. Встретившись вечером на лестнице, он вдруг по-товарищески хлопал меня или Колю по плечу и, плутовски подмигивая, говорил шёпотом:

— Давайте, хлопцы, закурим!

Когда же мы возмущённо кричали:

— Исай Маркович, да ведь мы не курим! — толстяк махал рукой и улыбаясь поспешно укатывался к себе.

Иногда днём мы забегали к

нему в киоск выпить стакан лимонаду. У киоска обычно торчал со скучающим видом постовой городской, нелепо длинный, молчаливый человек. Фамилия у него была много короче, чем он сам, но столь же нелепая: Кукуць.

Пока мы пили, Исай Маркович хитро подмигивал городovому и спрашивал у нас:

— Хотелось бы вам пострелять из револьвера, а? — И, не дожидаясь ответа, говорил Кукуць: — Не скажут. А есть у них самодельный пистолет! Коля, ну скажи, что нет?

— Исай Маркович, ей-богу, ничего нет! — божился Коля.

— А что ж это сейчас выстрелило у нас на дворе?

— Это Петька ударил доской...

— Мы играли в войну...

— Спросите у мамы... — хором оправдывались мы.

Чтобы не доставлять беспокойства мнительному Исая Марковичу, тётя строго-настрого приказала нам не трогать спичек и не стрелять из игрушечного револьвера пистонами. Разрешалось пользоваться только деревянным пистолетом, стрелявшим обыкновенной пробкой. Исай Маркович обо всем этом прекрасно знал.

Оскорблённые напрасными подозрениями, мы недовольно уходили от киоска и слышали, как Исай Маркович говорил городovому:

— Чует мое сердце: подпалят когда-нибудь меня эти мазурики, ей-богу подпалят!

И он едва не оказался прав.

II

НЕСКОЛЬКО дней шли дожди. Мы вынуждены были сидеть дома и проклинали дождь.

Сокрушалась по поводу пло-

хой погоды и тётя: в календаре приближалась красная цифра — какой-то праздничный день. Тётя боялась, что ненастье испортит гулянье в городском саду.

К счастью, в этот день дождь с полудня перестал. Вечером все принарядились и пошли в городской сад.

Публики было много. В саду играл оркестр духовой музыки.

Тётя встретила своих знакомых и сидела на скамейке, ожидая фейерверка, а мы бежали по дорожкам сада.

Фейерверк приготовлялся за высокой оградой губернаторского дома. Мальчишки жаловались к ограде, чтобы увидеть все приготовления, но городовые отгоняли их прочь.

Коля видел такой фейерверк в прошлом году, а я и Петя не видали ни разу. Нам не терпелось. Мы всё расспрашивали у Коли, какие будут огни, высоко ли они полетят.

— Саженой пятнадцать, — отвечал Коля.

— А долго будет всё продолжаться?

— Минут тридцать...

Коля уверял, что огни будут разные: красные, зелёные, синие, что будет светло, как днём.

Петя переминался с ноги на ногу и цедил:

— Вудумуваешь!..

Наконец фейерверк начался. За высокой оградой раздался какой-то треск, и вверх взвилась первая ярко-красная ра-

кета. За ней, догоняя, рванулись вверх зелёные, жёлтые, фиолетовые.

Темноту ночи сразу озарили тысячи огней. Небо расцвело, засияло разноцветными звёздами, прорезывалось яркими зигзагами. Вертящиеся огненные кольца с жужжаньем возникали в вышине. Одни из них только кружились, другие, вращаясь, подымались всё выше и выше, пока не угасали.

И вдруг что-то шлёпнулось сверху на цветочную клумбу, в двух шагах от нас. Я подбежал к клумбе, пошарил в траве и нашёл какой-то предмет. Это была небольшая картонная гильза, туго обвитая шпагатом.

— Прячь в карман. Не говори Петьке! — зашептал подбежавший Коля.

Гильза исчезла в кармане брюк.

Фейерверк продолжался.

Конечно, мне хотелось бы найти ещё хоть одну такую штучку. Коля, видимо, тоже думал об этом. Он смотрел вверх и всё приговаривал:

— Вот падает! Вот!..

Но ракеты, огненные шары, сгорали в вышине и ничего не падало к нам.

Фейерверк уже угасал, когда в кусты опять что-то шлёпнулось. Мы бросились с Колей наперегонки, но он успел крикнуть:

— Чур, мой!

Когда Петя подбежал к нам, Коля уже спрятал в карман гильзу, и мы вернулись к той скамейке, где сидела тётя.

Домой мы шли всецело поглощённые этой, свалившейся с неба находкой.

III

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ярко светило солнце. По-завтракав, мы втроём вышли во двор. Прятать от Пети нашу находку дальше не имело смысла — мы решили посвящать во всё и его.

В глубине двора стоял деревянный сарай Исаея Марковича. В сарай нам входить не разрешалось, но за сараем, в крапиве, было не менее укромно и уютно. Мы часто играли в этом уголке и теперь направились туда.

Когда мы показали Пете гильзы и рассказали всё, он сразу же спросил:

— А зачем они?

— Дурак! Это же — ракета! Это же — фейерверк!..

— Вот видишь: тут ниточка, — указал я на маленький фитилек, торчащий из гильзы. — Его надо поджечь.

— Вудумуваешь! — почесался Петя и немного отступил назад.

Не обращая больше никакого внимания на Петю, мы с Колей стали соображать, где бы испробовать эти гильзы? В доме — совершенно невозможно, даже если тётя и уйдёт вечером к знакомым, то останется кухарка Дарья. На дворе увидит Исай Маркович. Уйти куда-нибудь, но куда? Далеко уходить от дома было запрещено. И вдруг Коля хлопнул себя по лбу:

— Лёнька, а если в этом са-

рае? В нем никто, никто не увидит!

Предложение было принято единодушно. Оставалось ждать вечера. А пока мы разложили на камнях, на самом солнцепёке, гильзы, чтобы они просохли: вчера же все говорили, что гильзы отсырели. Томительно долго тянулся этот день. На нашем пути стояли самые разнообразные, досадные задержки: обед, вечерний чай, сборы тёти к знакомым в гости, ее представления нам...

И наконец мы свободны: тётя ушла, Дарья возится на кухне, Исай Маркович сидит в своём киоске, на дворе — ни души.

Один за другим мы прокрались втроём в незапертый сарай. В кармане у Коли, кроме гильзы, коробка спичек — он потихоньку взял ее на кухне.

Вошли в полутёмный сарай, огляделись. В одном углу лежала небольшая кучка старого сена, в другом — дрова. Посреди валялись ломаные стулья, ржавая железная кровать.

Ещё днём мы обдумали, как будем поджигать гильзы, и теперь действовали строго по плану. Мы привязали обе гильзы рядышком к железной кровати, а к каждому фитильку присоединили скрученную вчетверо ниточку подлиннее. Решено было поджечь сначала одну гильзу — посмотреть, что будет, а потом вторую.

Каждый должен был поджигать свою. Бросили жребий — кому первому. Жребий выпал мне.

Я стоял дальше всех от двери. Слева от меня — Коля, а ещё дальше, у самой двери, Петя: он всё-таки трусил и, видимо, готов был вот-вот задать стрекача.

Я зажёл спичку и поднёс её к своей ниточке. Огонёк проворно пробежал по ней до фитилька, охватил его и — мы никогда не смогли бы предугадать, что произойдёт.

Раздался оглушительный треск — выстрелило, как из ружья, — весь сарай сразу осветился огнём, и яркие огненные звёзды ударили в стены, в крышу, в кучу сена... Мы

были ослеплены. Казалось, что сарай горит.

Первым бросился наутёк Петя. За ним мчался Коля. Последним — я.

На площадке второго этажа я всё-таки глянул в окно. Во двор с улицы с криком «пожар» катился на своих толстых, коротких ножках Исай Маркович. Следом за ним, нелепо большими шагами, бежал тощий Кукуць. Одной рукой он придерживал шашку, а в другой держал свисток.

Они широко распахнули дверь сарая — оттуда тянулся дымок.

И вдруг снова раздался такой же страшный выстрел и всё ещё раз осветилось ярким светом.

Исай Маркович и городской в испуге кинулись прочь от сарая.

Первым теперь бежал городской. Он бежал и из всех сил свистел. Сзади за городским улепётывал бледный Исай Маркович.

«Это зажглась Колина гильза», — смекнул я и кинулся в тётину квартиру, в самое надёжное убежище — под диван. Там уже лежали, оживлённо обсуждая события, Коля и Петя.

ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА участников этого переполюха всё обошлось благополучно. Исай Маркович не пострадал: сено удалось потушить и ни-

какого пожара не произошло. Городовой Кукуць получил от тёти Кати полтинник, чтобы замять неприятное происшествие.

Петя, как лицо мало причастное, от наказания был освобожден.

Мягкому наказанию подвергся и я: с одной стороны, я был гость, а с другой — сердобольная тётя пожалела меня: рос я без матери, сиротой. На мою долю досталось только строжайшее словесное внушение, которое мне было горше всего.

Всё на своей спине мужественно вынес Коля. В тот же злополучный вечер тётя отстегала Колю его же гимназическим ремнём.

Коля сначала держался, но, когда перевалило за десять, он взмолился:

— Мамочка, довольно! Мамочка, уже двенадцать!..

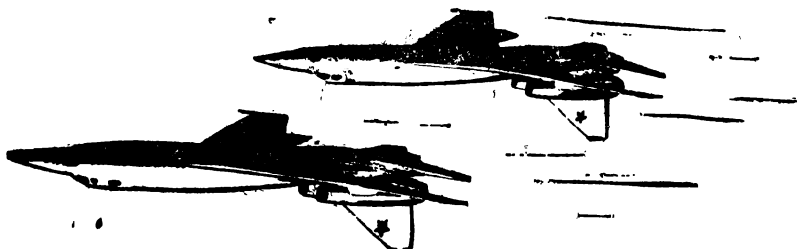
Нечего говорить, что на следующее утро тётя Катя отправила меня со знакомым железнодорожником домой, — так настоял Исай Маркович.

Прощаясь с Петей, я пообещал:

— В следующем году — приеду!

— Вудумуваешь! — буркнул сквозь слёзы Петя.

Родина авиационных и космических рекордов

ЛЕТОМ 1882 года в Красном Селе под Петербургом был построен первый самолёт. Самолёт был первым не только в России, но и во всём мире. Его создал замечательный русский учёный - изобретатель А. Ф. Можайский. С тех пор прошло восемьдесят лет, и отечественные конструкторы, развивая схему самолёта Можайского, добились выдающихся успехов. Они строят совершенные летательные аппараты, ступки технических новшеств, летающие быстрее, выше и дальше всех!

Быстрое совершенствование отечественной авиации создало все условия для установления советскими авиаторами множества выдающихся рекордов.

БЫСТРЕЕ ВСЕХ!

ПЕРВЫЙ мировой рекорд скорости был равен только 41,29 километра в час. Его

установил 12 ноября 1906 года владелец кофейных плантаций, бразилец Альберто Сантос-Дюмон. Он летел на громоздком и неуклюжем биплане с мотором «Антуанетт» мощностью 50 лошадиных сил. А 7 октября 1961 года советский летчик-коммунист Александр Федотов на отечественном реактивном красавце-самолёте Е-166 затратил на полет по замкнутому 100 - километровому маршруту всего 150 секунд. Так вписал он в таблицу мировых рекордов новый абсолютный рекорд скорости полёта по замкнутому маршруту, равный 2401 километру в час. На отдельных участках полёта его самолёт мчался со скоростью 2730 километров в час!

Вот какая скорость может быть достигнута на авиационной технике, созданной в нашей социалистической Родине! Эта скорость более чем в 2 раза превосходит скорость

звука, на 208 километров в час превышает скорость 76-миллиметрового артиллерийского снаряда и имеет 67-кратное преимущество по сравнению с рекордной скоростью, которую смог развить 55 лет тому назад самолёт бразильского плантатора!

Ещё быстрее пролетел 7 июля 1962 г. советский лётчик Георгий Константинович Мосолов. На том же реактивном самолёте Е-166 он прошел над мерной базой со средней скоростью 2678,5 километра в час. В одном из заходов лётчик показал скорость более 3000 километров в час — в 70 раз быстрее первого рекордсмена мира.

Но для самолёта важно не только летать быстро. Важно, чтобы с большой скоростью на нём можно было перевезти побольше груза.

Недавно, 21 апреля нынешнего года, экипаж во главе с известным советским лётчи-

ком Иваном Сухомлиным на турбовинтовом пассажирском самолёте-гиганте ТУ-114 установил пять мировых рекордов за один полёт. Это был необычный рейс. Вместо 170 пассажиров на сиденьях разместили 340 чугунных болванок общим весом 10 тонн. Сухомлин легко оторвал самолёт от земли, провёл его по замкнутому маршруту в 10 000 километров со скоростью 737,38 километра в час. «Мимходом» был побит на 300 километров в час рекорд американца Лесситтура, летавшего на такое расстояние без груза. Кроме того, в таблицу мировых рекордов вновь вписаны рекордные достижения для полётов с грузом в 1, 2, 3, 5 и 10 тонн на расстояние 10 000 километров.

На счету самолёта ТУ-114 сейчас числится 31 мировой рекорд. Во всём мире нет самолёта, ему равного!

Во всем мире нет и лётчика, который бы установил 37 мировых рекордов, как это сделал лётчик-коммунист, мастер спорта Иван Сухомлин.

ВЫШЕ ВСЕХ!

ОДНАЖДЫ на аэродроме инженер-лётчик Георгий Мосолов услышал сообщение о том, что американский пилот Джо Джордан установил новый абсолютный рекорд высоты полёта.

Тут же у него роди-

лась мысль: рекорд нужно отвоевать, он должен принадлежать Советской Родине! И лётчик начал подготовку.

Вскоре настал день старта — 28 апреля 1961 года. Запущен мощный турбореактивный двигатель. Стремительный разбег, и серебристый, похожий на стрелу, самолёт, легко оторвавшись от бетонки, уходит ввысь. Небо из голубого стало синим, а затем и тёмным. На весь мир разнеслась весть о том, что советский лётчик-коммунист Георгий Мосолов достиг высоты 34 714 метров! Этот новый абсолютный мировой рекорд более чем на 2600 метров превзошёл достижение американца Джордана.

Впервые в мире наш крылатый реактивный богатырь самолёт 201-М поднял на высоту 13000 метров груз весом 55 220 килограммов! Это превышает прежнее достижение американцев на 20 тонн по весу и 11 километров по высоте.

ВСЁ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ

СОВЕТСКИЕ самолёты летают не только быстрее и выше, но и дальше всех. Родоначальником дальних полётов был «первый пилот» нашей страны Михаил Громо- в. Еще в 1934 году, осенью, в чрезвычайно

плохую погоду он пролетел на рекордном самолёте АНТ-25 расстояние 12411 километров за 75 часов 2 минуты.

Сейчас наши турбовинтовые пассажирские лайнеры ТУ-114, ИЛ-18 и АН-10 совершают беспосадочные межконтинентальные перелеты, намного превосходя по скорости и продолжительности не только рекордный полёт М. Громова, но и рекорды современных зарубежных авиаторов.

ТИТАНЫ РАКЕТНОГО ПОЛЁТА

БЫСТРЕЕ, выше и дальше всех своих крылатых друзей пролетели на космических кораблях-спутниках «Восток» и «Восток-2» лётчики-космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов.

Вот эти достижения советских космонавтов, официально зарегистрированные Международной авиационной спортивной федерацией (ФАИ) в качестве международных абсолютных рекордов полёта человека в космическом корабле:

Высота в орбитальном полёте — 327 километров. Этот рекорд установлен первым космонавтом Ю. Гагариным.

Максимальный груз, поднятый на высоту в орбитальном полёте — 4725 килограммов. Рекорд принадлежит Ю. Гагарину.

Рекорд абсолютной продолжительности орбитального полёта — 25 часов 11 минут — установлен Г. Титовым.

Рекорд в «космическом марафоне» — дальности полёта по орбите вокруг Земли — 703 143 километров также принадлежит советскому лётчику-космонавту Герману Титову.

Так было до недавнего времени. Но вот с советского космодрома взлетел корабль-спутник «Восток-3», пилотируемый летчиком-космонавтом Андреем Николаевым, а сутки спустя — другой корабль — «Восток-4» с космонавтом Павлом Поповичем на борту.

Трое суток находились в парном полете два советских космических корабля! Космонавт Николаев за 95 часов сделал на корабле-спутнике более 64 оборотов вокруг Земли и покрыл расстояние свыше 2 миллионов 600 тысяч километров. Космонавт Попович пробыл в космосе 71 час. Он более 48 раз облетел вокруг нашей планеты и прошёл расстояние около 2 миллионов километров.

Вот это рекорды! Слава новым советским космонавтам Андрию Николаеву и Павлу Поповичу!

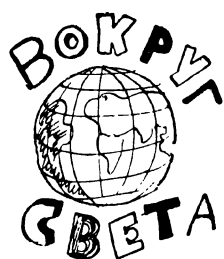
Чики-спортсмены. Они покорили воздушный океан и смело завоевывают космос. Сверхзвуковые скорости, головокружительные высоты, межконтинентальные дальности увенчались полётами космических кораблей.

По количеству авиационных рекордов наша страна занимает первое место в мире. Более двухсот мировых рекордов принадлежат авиаторам СССР, вдвое больше, чем, например, американцам. Наша Советская Родина — родина авиационных и космических рекордов.

В. УДОД

КАК ДАЛЕКО шагнули наши лёт-

НА

Каких только рекордов не перевидел мир! Спортсмены народ непоседливый: чуть устанут новый рекорд, и уже норовят его побить. Конечно, это сделать не просто. Но только рекорды, медленно или быстро, а растут и растут.

Кто знает, что такое астронавтика? Пока наш Юрий Гагарин не совершил дерзкий прыжок в космос, такой вид спорта существовал только на бумаге. Ещё бы: для спортсменов - астронавтов отведён гигантский стадион, но попробуй доберись! Начинается он за стокилометровым потолком над земным шаром. Выход один — садись в ракету. Вот Юрий Гагарин и промчался первым по «беговой дорожке» этого «стадиона» и установил первые космические рекорды. Всё путешествие вокруг света он проделал за 108 минут!

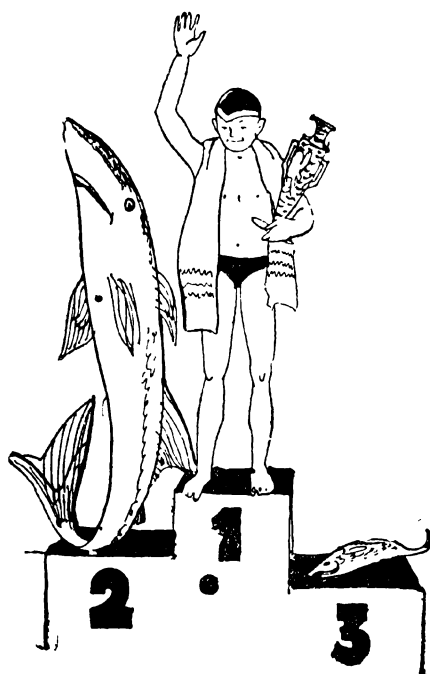
У космонавтов в полёте свои дела, а вот если бы забрался в ракету спортивный репортёр с добротным телескопом, он бы разглядел немало любопытного на обычных стадионах Земли. По-

чему бы нам не попробовать слетать вместе с ним?

Итак, на старт! Наша ракета в небе. Времени в обрез, а надо посмотреть все континенты. Чтобы не обижать спортсменов разных стран, поступим, как на больших международных соревнованиях, — начнём в алфавитном порядке. Первая на очереди — Австралия. Ну-ка, что там есть? Когда спортсмена хвалят, ему говорят: «Ты плава-

ешь, как рыба». А вот австралийцы, услышав такое... обидятся. Как же, у них плавание — национальный вид спорта. Среди ребятшек и то есть рекордсмены. При чём здесь рыба? Учёные недавно установили, что отличному пловцу рыба не соперник. Не пришлось бы самим рыбам «тренироваться», чтобы плавать как человек. Вот что значит спорт!

Следующая «остановка» — Азия. Белое,

чёрное, зелёное, жёлтое, красное — тесно сплелись пять олимпийских колец. Пойдите, откуда они здесь? Ведь до олимпиады ещё целых два года. Но подготовка уже кипит. Гостей будет принимать Япония, и хозяева не хотят ударить в грязь лицом. Не хотят они и проигрывать, особенно в борьбе дзю-до. Эту борьбу впервые включили в олимпийскую программу. Каждый школьник в Японии знаком с дзю-до. Да что школьник! Пятилетние и те вместе со своими мамами посещают специальные залы для борьбы.

Рассказывают, что один маленький японец повстречался как-то с ватагой пьяных американских матросов. Хулиганы толкнули его в грязь.

— Надо бы извиниться! — вежливо сказал японец.

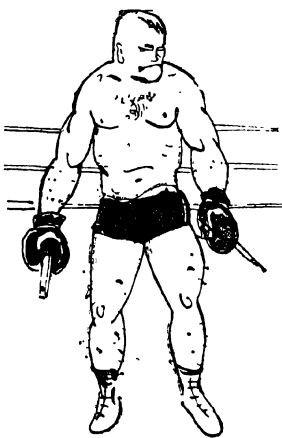
Американец дико захохотал и занёс кулак... и вдруг верзила полетел вверх тормашками. С воплем грохнулся другой, третий. Маленький японец поправил шляпу и пошёл себе домой.

Сейчас по Японии разгуливает немало американцев. Местным жителям хитроумные приемы дзю-до могут здорово пригодиться.

Ухитрились японцы поставить и первый своеобразный «олимпийский рекорд». Филателисты, готовьте свои альбомы: марки,

посвящённые будущей олимпиаде, уже вышли в свет!

Америка. В боксёрских кругах США очередной скандал. Гангстер на ринге, держите гангстера! — вопят газетчики... Сонни Листон родился вовсе не гангстером. Но учиться было некогда — у отца на шее масса детिशек. Сонни работал. В 16 лет он ещё не знал грамоты. Потом приехал в большой город,

стал заниматься боксом и... грабежом. Шайка, в которой был Листон, попалась, и парень угодил за решётку.

И вот сейчас Листону предстоит биться за титул мирового чемпиона среди тяжёловесов. Газетчики и дельцы от спорта подняли шум. Думаете, их заботят идеалы спорта? Нет. Просто тёмное прошлое боксёра — великолепная сенсация; приманка для зрителей. Без сенсаций редко обходятся соревнования в США. Здесь даже ра-

зыгрывают чемпионаты по прыжкам на коньках через бочки! Кто больше бочек перепрыгнет, тот и герой. Да что там бочки! Ещё «оригинальнее» турнир... тунейдцев. Собралась толпа толстяков. Расселись «спортсмены» на стульях и давай дремать. Сутки, другие, третьи, кто не выдержал — проиграл. Судьи следили строго. Наконец, секундомер остановился — 73 часа, 21 минута, 50 секунд. Лучший результат! Но... Время было одинаковое у всех. Ничья. Так и остались горемыки без своего чемпиона.

Куба — маленький-маленький островок. В другой раз его бы с высоты и не заметили. Остров остался прежним, а жизнь на нём сейчас другая. К власти пришёл народ. Прежде спортом занимались богатеи да американские туристы. После революции стадионы открыты для всех. Кубинцы решили начать с футбола... Полвека назад на острове появились первые команды, но американцы усиленно насаждали бейсбол, и футбол захирел. Теперь всюду гоняют мяч. Главные зачинщики, конечно, «москитос» — мальчишки.

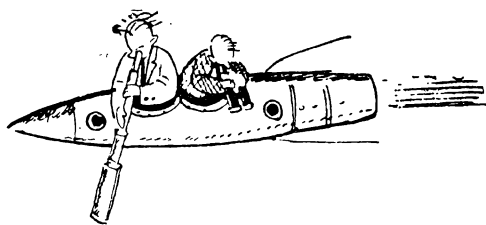
Коль речь зашла о футболе, пора повернуть к Южной Америке. Ух и горячий народ болельщики. Жители одной деревушки пришли к министру путей сообщения и потребо-

вали перенести железнодорожную станцию. Посмей, откажи. В деревушке живёт один из идолов бразильского футбола, — Гарринча. В детстве он тяжело болел. Одна нога у него короче другой. На поле это не мешает футболисту. Односельчане решили, всё же поберечь ноги игрока и хотят видеть станцию поближе к дому Гарринчи.

Но главный кумир — это юный негр по прозвищу Пеле. Говорят, что сильнее его в мире нет футболиста. Наверно, это так, если бразильцы даже лучший сорт кофе называли «Пеле».

Бум, бум, бум! — бьют барабаны. Плещут воины, размахивая копьями. В иллюминаторе Африка.

Европейский путешественник давным-давно видел в джунглях такую картину. В племени Ватуси был праздник. Воины состязались в ловкости, прыгая в высоту через планку. Путешественники диву дались: каж-

дый старался прыгнуть «выше головы», а все, как на подбор, двухметровые гиганты. Дома этому никто не поверил. Откуда в Африке быть спортсменам?

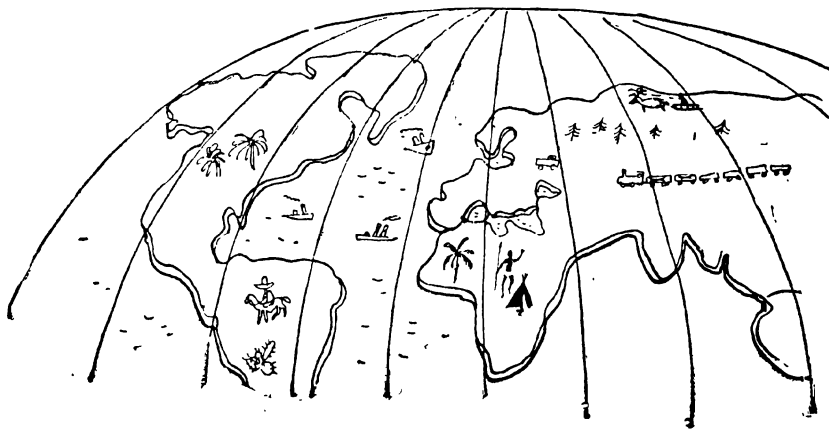
Диковинную историю вспомнили лишь на Римской олимпиаде. Чернокожий бегун из Эфиопии Бикила Абебе первым из африканцев стал чемпионом. Дистанцию в 42 с лишним километра он бежал так здорово, что газетчики называли его «убийцей марафона». Есть спортсмены в Африке. Не будь колонизаторов - империалистов, мы встретились бы с ними раньше. Нынче в молодых республиках думают и о спорте. «Лев», «Гром», «Дракон», «Леопард» — это имена первых футболь-

ных команд. Чёрный континент пробуждается. Может, уже в Токио, на олимпиаде, новички покажут себя.

От материка к матерiku мчится наша ракета. Внизу самый большой континент — «голубой». Спортсмены не оставили в покое и царство Нептуна. Морскому царю теперь много хлопот доставляют аквалангисты. Всё глубже опускаются они в моря и океаны. Тут свои рекорды. Швейцарец Келлер погрузился на глубину 222 метра. Келлер математик. Он точно рассчитал всё, составил газовую смесь для дыхания (пока это секрет) и обещает довести рекорд до 300 метров.

Ну, а теперь пора на посадку...

Ю. КОРШАК

Карта «Острова сокровищ»

Если что-то поразит людей, захватит их воображение, сейчас же это «что-то» окружается тайнами, о нём начинают рассказывать легенды, и границу между правдой и вымыслом уже почти невозможно определить. Так уж повелось с древнейших времён.

Когда умер английский писатель Роберт Льюис Стивенсон, то его соотечественник, известный критик Э. Муир, сказал о нём: «Имя этого человека было легендой».

Много легенд породил и роман Стивенсона «Остров сокровищ». Стоило ему появиться на свет, как десятки людей начали утверждать, что они совершенно точно знают, какой остров имел в виду писатель, и даже сами бывали на нём. Острова называются самые различные, количество их растёт, споры не прекращаются до сегодняшнего дня.

В первом номере журнала «Вокруг света» за 1958 год была помещена статья Е. Андреевой «Остров сокровищ».

«Без сомнения, — пишет автор, — все читали увлекательный роман Стивенсона «Остров сокровищ», и многих, разумеется, интересует: существовал ли этот остров или он выдуман автором?»

Е. Андреева считает прототипом «Острова сокровищ» остров Пинос близ Кубы.

После очерка Андреевой я прочёл книгу известного немецкого ныряльщика Ганса Хасса «Мы выходим из моря». Одна из глав этой очень интересной книги тоже называется: «Остров сокровищ». Рассказывается в ней о том, как на маленьком острове Кокос, лежащем приблизительно в трехстах милях к северо-востоку от Галапагосских островов, были спрятаны громадные сокровища. Г. Хасс считает, что именно ост-

ров Кокос явился прототипом «Острова сокровищ» Стивенсона.

Вот вам уже и два различных «острова сокровищ!» С тех пор как был написан роман, таких островов названо уже добрых два десятка.

Одна из легенд говорит даже о том, что остров, воспроизведённый на карте во всех изданиях романа, не что иное, как... два профиля: самого Стивенсона и его жены Фенни Осборн.

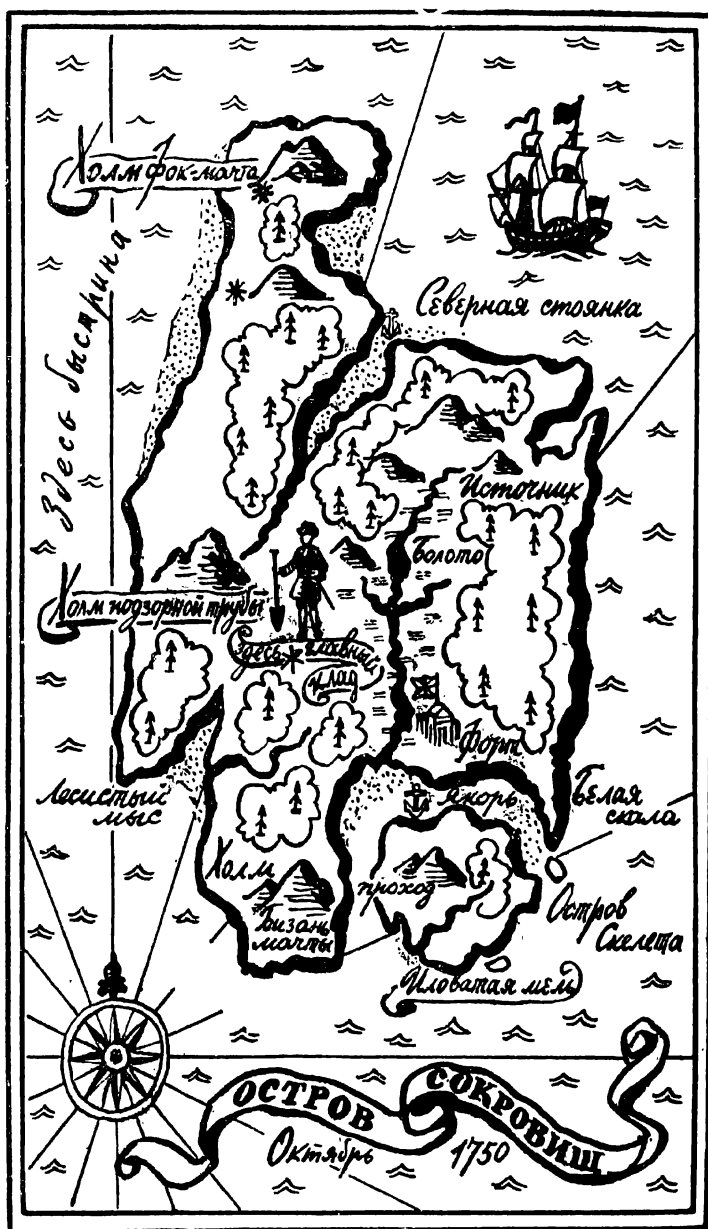
* * *

В действительности всё было иначе.

Вечерами писатель любил затевать географические игры со своим приёмным сыном Ллойдом Осборном. Развернув карты морей и океанов, они «отправлялись» в далёкие «плавания», посещали десятки островов. А однажды — в августе 1881 года — они решили создать «свой» остров: взяли чистый лист бумаги и начали выдумывать силуэт берегов острова, вычертили заливы и бухты, дали имена возвышенностям. Карта, получилась на славу!

Вот что писал о ней Стивенсон тринадцать лет спустя в журнале «Айдлер»: «Это была карта острова; она была старательно и, как мне казалось, красиво раскрашена. Особый восторг вызывали у меня очертания острова: тут были бухты, доставлявшие мне поистине поэтическое наслаждение; совершенно не думая, что решаю этим его дальнейшую судьбу, я назвал своё детище «Остров сокровищ».

Через два месяца Стивенсон написал роман. Он прочёл его друзьям и вместе с картой отправил издателю. «Пришла корректура, — писал Стивенсон в той же статье, — я выправил её, но о карте ничего не было слышно. Я послал

запрос, и мне ответили, что не получали никакой карты. Представьте себе мой ужас. Одно дело нарисовать наугад карту, поставить в углу случайный масштаб и написать историю в соответствии с этим масштабом. Но совсем другое — тщательно просмотреть всю книгу, выписать из неё все ссылки на карту и затем с помощью компаса тщательно нарисовать новую кар-

ту, соответствующую этим данным. Я сделал это. Карта была перечерчена набело, украшена изображением пускающих фонтаны китов и плывущих кораблей, и мой отец, умевший писать различными почерками, сам тщательно «подделал» подпись капитана Флинта и нанёс на карту маршруты плаваний Билли Бонса».

А первая карта, начерченная Стивенсоном вместе с пасынком Ллойдом Осборном, так и пропала. Зато подлинник второй сохранился. Он находится сейчас в коллекции А. Эдварда Ньютона и опубликован им в интересной мо-

нографии «Страсть к собиранию книг».

Стивенсону можно верить. Ко всему касающемуся литературы он относился с величайшей серьёзностью.

В. САНДЛЕР

Снова вокруг планеты!

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

Когда этот номер «Искорки» находился уже в производстве, весь мир облетело сообщение о новом достижении советской науки и техники. 11 августа начал свой рейс вокруг планеты космический корабль «Восток-3», пилотируемый майором Андрияном Григорьевичем Николаевым. А спустя сутки, 12 августа, с советского космодрома стартовал и вышел на орбиту «Восток-4», пилотируемый подполковником Павлом Романовичем Поповичем.

Вот они, герои! На снимках справа вы видите портрет космонавта-3 Андрияна Николаева, момент, когда он одевается в космический скафандр, и его встречу с Германом Титовым после возвращения космонавта-2 из полёта. Слева портреты космонавта-4 Павла Поповича и снимок, на котором вы видите героя с женой Марией Лаврентьевной и шестилетней дочкой Наташей.

Всесоюзные пионерские

(К фотоочерку на 3-й странице обложки)

ВОСЕМНАДЦАТЬ с половиной миллионов ребят боролись за право участвовать в финале Всесоюзных игр пионеров. И вот зазвенели горны над Воронезем, четким строем прошли по стадиону сильнейшие спортсмены пионерских дружин и школ.

Сигнал главного судьи игр Владимира Куца — соревнования начались! Выступает на бревне гимнастка из Азербайджана Тамара Фукалова. Прыгает в длину школьник из города Белая Калитва Миша Фуражкин. А вот уже и победитель: Светлана Александрова из Тбилиси преодолела в прыжке планку на высоте 145 сантиметров — лучший результат игр!

Дни игр насыщены до предела. Соревнуются баскетболисты Литовской ССР и школ Министерства путей сообщения. А к пьедесталу почёта подходят победители самых трудных соревнований — пионерского четырёхборья. Это наши земляки-ленинградцы: ребята из 54-й школы Ждановского района.

Интересными были забеги на 60 метров у мальчиков. Победителей здесь оказалось сразу четыре! Вот они стоят (слева направо): Вова Коршунов из города Ашхабада, Ионас Сабас из Каунаса, Федя Федоров из Киргизии и москвич Слава Гуров. Все они показали одинаковое время — 7,4 секунды. А Ионас Сабас стал ещё победителем соревнований по прыжкам в длину. Его прыжок — 6 метров.

В соревнованиях по гимнастике преподнесли сюрприз девочки из города Липецка — завоевали все жетоны. Сестры-близнецы Валя и Люба Луговских — золотой и серебряный, а капитан их команды Лена Крючкова — бронзовый! Золотой жетон по гимнастике завоевал и наш земляк Боря Колотков — семиклассник ленинградской 306 школы. Внимательно рассматривает этот жетон учительница из Индии.

На последнем снимке стоят (слева направо): Лена Крючкова, Люба Луговских, Боря Колотков, Валя Луговских.

Фото Г. Сафонова.

Книжный клад Ивана Грозного

У ВИЗАНТИЙСКИХ императоров была богатейшая коллекция греческих и римских книг, которой они очень дорожили. И когда турецкая армия завоевала Константинополь, Фома Палеолог — брат последнего византийского императора, — перебравшись в Рим, увёз с собой большую часть этого книжного богатства.

Вскоре Софья Палеолог, дочь Фомы, была просватана за русского царя Ивана III. После свадьбы Софья перевезла уникальную коллекцию из Рима в Москву, опасаясь, что «святые» отцы Ватикана приберут её к своим рукам.

В Москве Софья, беспокоясь о сохранности книг, заставила мужа начать постройку в Кремле подземных тайных хранилищ. Был вызван известный в те времена строитель Аристотель Фиоравенти, которому для видимости поручили постройку Успенского собора. Главным же его делом было сооружение этих подземных тайников.

О том, что эта библиотека существовала, свидетельствуют многие современники Ивана III, Василия III, Ивана Грозного. Наиболее интересно свидетельство писателя Максима Грека — одного из образованней-

ших людей того времени, специально выписанного в Москву Василием III для перевода церковных книг. Максим Грек утверждает, что другой такой богатой коллекции он не встречал ни в Италии, ни в Греции. А это были наиболее просвещенные страны того времени.

Позднее, когда Софья, сестра Петра, решила повести борьбу за обладание престолом, она велела на всякий случай разведать подземные хо-

ды Кремля. Посланный ею человек обнаружил в подземелье какие-то сундуки с книгами. Слухи дошли до Петра. Тот заинтересовался и приказал начать раскопки кремлёвских подземелий. Но довести их до конца не удалось и о книжных сокровищах забыли.

Лишь в начале XIX века историк профессор Х. Х. Дабелов обнаружил древний список книг. Предположили, что это лишь часть описи библиотеки Ивана Грозного.

Среди учёных разгорелся спор, который тянется и до наших дней. Одни считают, что библиотеки вообще никогда не было, другие утверждают, что была, что её обязательно надо найти.

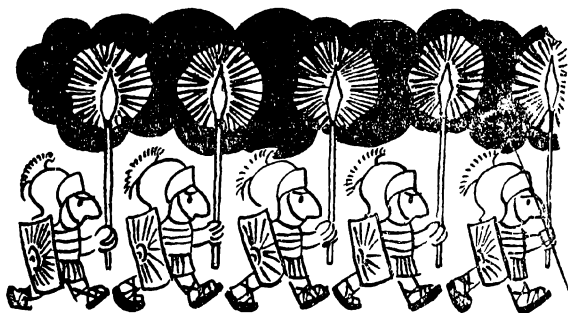
После Октябрьской революции были приняты поиски. Но раскопки не принесли успеха. Руководивший раскопками И. М. Стеллецкий не потерял, однако, надежды. В 1944 году он писал: «Загадка эта стоит перед нами, мы должны её разгадать и разгадаем».

О г н и Э л ь м а

БОЛЬШОЙ отряд воинов древнего Рима находился в походе. Наступила ночь. Надвигалась гроза. Вдруг над отрядом появились сотни огоньков. Это засветились острия копий воинов. Казалось, что железные копья горят, не сгорая. Причины этого необыкновенного явления в те времена никто не знал, и солдаты решили, что такое «чудесное» сияние на копьях предвещает победу.

Описанное явление получило позже наименование огней Эльма, по названию церкви «святого» Эльма, на шпилье которой особенно часто наблюдались такие огни.

Огни Эльма загораются обычно на различных высоко поднятых металлических остриях, на мачтах кораблей, а иногда даже и на деревьях. Вот как описывают это интересное явление природы очевидцы. Капитан парусного корабля вспоминает: «Было это в 1696 году в Средизем-

ном море, у Балеарских островов, во время грозы. Опасаясь бури, я приказал спустить все паруса. И тут мы увидели в разных местах на мачтах какие-то странные огни. Огонь на флюгере большой мачты был более полутора футов (фут равен 30,5 сантиметра). Я послал матроса снять огонь. Влезший наверх, матрос крикнул нам, что огонь шипит. Я велел снять его вместе с флюгером и принести вниз. Но как только матрос снял флюгер, огонь перескочил на конец мачты. Огни оставались ещё некоторое время, а потом начали гаснуть и постепенно исчезли».

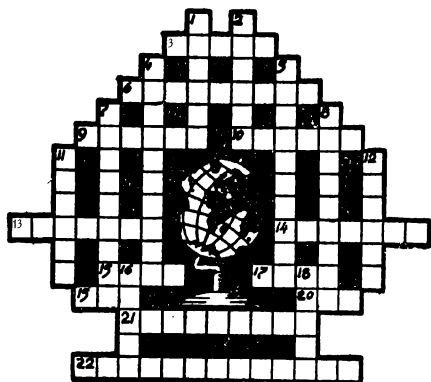
Что же представляют собой огни Эльма? Каковы причины этого

загадочного явления природы?

Огни Эльма не имеют ничего общего с горящим факелом. Это так называемые тихие электрические разряды в атмосфере. Во время грозы в облаках и на поверхности земли накапливаются разноимённые электрические заряды. В этих случаях происходит обычно мгновенный электрический разряд — молния. Но иногда, стремясь соединиться, заряды не могут пробить слой воздуха. Тогда-то и наблюдается тихий разряд атмосферного электричества, скопившегося на поверхности земли, причём легче всего такой разряд происходит с острых предметов, возвышающихся над земной поверхностью.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

(Составил Д. Ружинский, Ленинград)

По горизонтали: 3. Горная область Китая. 6. Портовый город на озере Онтарио в Канаде. 9. Столица Пакистана. 10. Город в штате Пенсильвания (США). 13. Столица Молдавской ССР. 14. Приморский город в Дагестанской АССР. 15. Река, протекающая на границе Архангельской и Тюменской областей. 17. Один из крупнейших портов Японии на остро-

ве Хонсю. 19. Озеро в Африке. 20. Один из древних городов Армении. 21. Город в Западной Индии, центр хлопчатобумажной промышленности. 22. Историческая область в Румынии.

По вертикали. 1. Действующий вулкан в Панаме. 2. Река в Западной Европе. 4. Остров в Индийском океане. 5. Столица Уругвая. 7. Остров в Карибском море. 8. Крупный бельгийский порт. 11. Река в Передней Азии. 12. Княжество на побережье Персидского залива. 16. Административный центр на юге Турции. 18. Курортный город в Швейцарии.

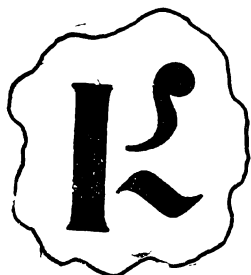
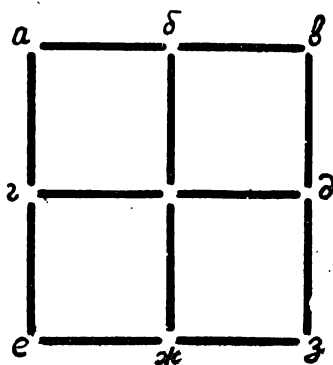

ЗАДАЧА СО СПИЧКАМИ

Двенадцать спичек, расположенных так, как указано на рисунке, образуют пять квадратов — четыре малых и один большой...

Прямоугольников же здесь можно насчитать четыре: абже, бвзж, авдг и гдзг. Требуется, перекладывая каждый раз только две спички, разместить спички так, чтобы можно было насчитать:

- 1) семь прямоугольников;
- 2) восемь прямоугольников;
- 3) девять прямоугольников.

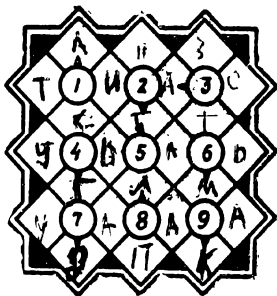

ХИТРЫЙ РЕБУС

Разгадайте этот ребус — в нём зашифровано имя существительное с несколькими значениями: 1. Невод. 2. Лес. 3. Изгородь. 4. Промысловая рыба.

КРОССВОРД

(Составила Женя БОРОДИНА
С/х Шушары, Пушкинск. р-н)

Впишите в клетки фигуры девять слов (по четыре буквы в каждом). Слова должны читаться по часовой стрелке, причём первую букву нужно вписывать в клетку, отмеченную «клинышком».

1. Птица.
2. Вязкая масса из водорослей и ила.
3. Газ, входящий в состав земной атмосферы.
4. Домашняя птица (впрочем, бывает и дикой...).
5. Экс-чемпион мира по шахматам.
6. Произведение А. М. Горького.
7. Часть окружности.
8. Часть якоря.
9. Приток Волги.

РЕБУС — ШУТКА

Попробуйте разгадать этот маленький ребус — в нём зашифровано всего лишь одно слово — число...

Имейте в виду, что число это — однозначное!

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5 и 7)

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Сумма всех семи цифр 28. Её нужно увеличить на 72 ($100 - 28 = 72$). Соединяя одиночные цифры в двузначные числа, мы получаем число, большее суммы одиночных чисел на столько «девяток», сколько десятков в нашем двузначном числе. Проверьте: $3 + 5 = 8$; $35 = 8 + 3 \times 9...$

В нашей задаче нужно так группировать цифры, чтобы сумма чисел, выражающих десятки, равнялась 8 ($72 : 9 = 8$). Это возможно лишь при следующих сочетаниях: $1 + 2 + 5$ и $1 + 3 + 4$.

Возможны, следовательно, два основных решения:

$$12 + 35 + 46 + 7 = 100.$$

$$14 + 23 + 56 + 7 = 100.$$

ЗАДАЧИ-ШУТКИ

1. Поветрие; натрий.
2. Угорь — уголь.
3. Фамилия.
4. Бут+он=бутон.
5. «Т-с-с!..»

КРОССВОРД

- По вертикали. 1. Каток. 3. Метро.
4. Тикси. 6. Лебедь. 7. Бабочка.
10. Лук. 11. Бум. 14. Резец.
15. Кефир. 18. Фраза.
По горизонтали. 2. Май. 5. Керосин. 8. Вепрь. 9. Остеп. 12. Буфер.
13. Кожух. 16. Берет. 17. «Репка». 19. Георгин. 20. Язь.

«БУКЕТ»

По горизонтали. Ландыш, клевер, анемон, фиалка, вьюнок, герань. По вертикали. Пушица, белена, чистяк, костёр, купавка, смолка.

РЕБУС

Трудно — не значит непреодолимо.

ЛОГОГРИФ

Шар — бар — бор — боб — зоб — зуб — жуб.

МЕТАГРАММА

Лень — тень.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Город Цветомир. Стихотворение Н. Слепаковой	Г
Королевский берет. Рассказ Арк. Минчковского	4
Чего ревел Тимошка. Стихотворение Е. Бандуренко . . .	10
Лебёдка. Рассказ И. Ефимова	11
Граф. Рассказ С. Полетаева	15
Весёлые портреты. Стихи А. Шибаева	25
Очень хочется жить. Продолжение повести М. Герчика . .	26
Ненастный день. Стихотворение Л. Барбас	44
Фейерверк. Рассказ Леонтия Раковского	45
Родина авиационных и космических рекордов. Статья	
В. Удоды	51
Вокруг света на ракете. Статья Ю. Коршака	54
Карта «Острова сокровищ». Статья В. Сандлера	57
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — линогравюра художника П. Вискова «Яхтсмены».

На 2-й странице обложки — «Снова вокруг планеты».

На 3-й странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова «Все-союзные пионерские».

На 4-й странице обложки — рисунок художника К. Бекташева «Птичница-отличница».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр. Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Тел. А 4-54-90

Сдано в набор 12/VII 1962 г. Подписано к печати 22/VIII 1962 г. Зак. № 1095 4 печ. л.
М-01504 Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ . Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Всесоюзные пионерские

(Текст к фотоочерку см. на 59-й странице)

Цена 10 коп.

